

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 4

31 января 1928 г.

№ 4

Типичные нарушения законов в области наемного труда и арендных отношений в деревне.

(К вопросу об изменении методов надзорной практики прокуратуры).

Работа прокуратуры в деревне, несомненно, находится в такой стадии своего развития, когда всем ходом строительства социализма и решениями 15 съезда Партии диктуется необходимость продолжения этой работы под углом преобладающего значения общественных методов.

С массами и через массы — таков практический лозунг в работе госаппарата в целом и, в частности, в работе прокуратуры в данный момент.

Однако, отсюда вовсе не следует, что прокуратура должна отказаться от обследований (т. е. проверки законности постановлений) некоторых сторон деятельности низового советского аппарата. Мы считаем положительно необходимым, независимо от поступающих жалоб, сохранить обследование низового советского аппарата в следующих частях его работы:

А. Проверка закономерности регистрации договоров по наемному труду и аренде земли в волисполкоме и сельском совете.

Б. Проверка закономерности действующих обязательных постановлений, издаваемых вол/рай/исполкомами в соответствии с пост. Правительства от 23 июля 1927 г.

На основании анализа цифрового материала о жалобах и различных данных в области социального расслоения деревни, в частности по материалам ЦКК—НК РКК Союза ССР, Коммунистической Академии, Особой Правительственной Комиссии СНК Союза и проч., следует признать необходимым продолжение практики частичного обследования закономерности указанных сторон деятельности низового советского аппарата, независимо от действий по поступающим жалобам. Доказательства к этому вытекают из самого характера социально-политической и классовой природы аренды земли и наемного труда.

Материалы ЦКК—РКК по обследованию аренды земли в Союзе показывают следующее:

Сдают в аренду землю бедняки—83,6%; середняки—15,0%; кулаки—1,4%. Последние данные ЦСУ говорят о том, что сдача земли в аренду малопосевными группами сельского населения увеличивается.

Таким образом, основной фигурой в деле сдачи земли является бедняцкое хозяйство. Участие эксплуататорских элементов в аренде земли весьма значительно. Кулаки (по данным ЦКК—РКК), составляя среди арендаторов $\frac{1}{7}$ часть (13,1%), концентрируют в своих руках почти $\frac{1}{3}$ (30,5%) всей арендованной земли, при чем средняя аренда земли в этой группе не менее чем в 10 раз превышает среднюю величину аренды в других группах.

Для нас весьма важно установить правильную характеристику арендных сделок, так как именно вокруг этих

сделок происходят такого рода процессы, которые в значительной части имеют прямое отношение к прокуратуре. Согласно данным ЦКК—РКК, из числа всей сданной площади в аренду сдано за деньги 16%, издольно—41,6%, за отработки—10,8%, за натуру—7,4%. Известно, что при помощи издольных и отработочных форм арендатор привлекает в свое хозяйство рабочую силу и избегает таким образом, свободного найма, при чем наиболее кабальными формами аренды надо считать отработочные и продуктовые. Зачастую, как констатирует обследование ЦКК—РКК, бедняки, нуждаясь в продовольствии, обращаются в зимние месяцы к более мощному соседу. Ему дают просимое, но взамен за мизерную цену предлагают сдать землю в аренду.

Каковы наиболее типичные и распространенные нарушения закона об аренде земли по данным ЦКК—РКК?

Прежде всего отмечаются случаи регистрации виками договоров субаренды. Так, например, в Шемахинском округе Азербайджана в порядке субаренды использовано 10% всей пастбищной площади; аналогичные случаи отмечаются и по ряду губерний центрально-промышленной и черноземной областей РСФСР.

Как общее явление, установлена эксплуатация по линии чрезмерно низких цен, выплачиваемых арендатором бедняку-сдатчику.

Так, напр., обследование ЦКК—РКК выявило случаи сдачи земли в аренду за 4,9 коп. за десятину. По материалам обследования аренды земли по Сев. Кавказу, устанавливается, что таковая во многих случаях является также кабальной. Далее, установлено, что с. х. налог уплачивает сдатчик в 74% всех случаев аренды.

Последнее обстоятельство является завершением того круга эксплуатации, которая установлена в области арендных отношений между беднотой и капиталистическими предпринимательскими группами деревни.

Если в 1925 году наблюдались случаи нерегистрации договоров аренды земли в 78,5% всех сделок, то в истекшем году в этом случае отмечается уже значительный сдвиг в сторону регистрации договоров в низовом аппарате. Однако, обследование регистрации договоров аренды земли в то же время показывает, что вики и сельсоветы нередко регистрируют явно неправомерные сделки в прямой ущерб бедноте. Об этом же говорят и указанные выше материалы ЦКК—РКК. При существующем положении вещей, след., нет абсолютно никаких оснований к прекращению просмотра прокуратурой мест в виках и сельсоветах договоров об аренде земли¹⁾.

Резолюция XV съезда Партии говорит о том, чтобы «карать как тяжкое уголовное преступление всякие виды субаренды земли». И было бы по меньшей мере неправильным полагать, что при посещении деревни прокуратура должна интересоваться этой стороной дела только в порядке поступления жалобы (кстати сказать, статистика

¹⁾ По закону от 23/VII м. г. договоры об аренде земли подлежат регистрации в сельском совете.

НКЮ не отмечает ни одного случая подобной жалобы; нет этого и в отчетах губсудов и прокуратуры).

В области наемного труда мы имеем чрезвычайно показательные, с точки зрения социально-политической, материалы не только ЦКК—РКИ, но и Особой Правительственной Комиссии СНК Союза, которые свидетельствуют, что и в этой области отношений различных социальных прослоек деревни пронесходят характерные классовые процессы, сопровождающиеся грубым нарушением закона. Особая комиссия (т.т. Фрумкин, Ларин, Крицман, Пашковский), прежде всего, констатирует, что кулацкое хозяйство является интегральным, т.е. сложным по составу источников его дохода и единым по эксплуататорской сущности всех его частей, комбинируемых владельцем, смотря по сочетанию обстоятельств.

Не достигая часто крупных размеров в каждом отдельном из своих проявлений, кулацкое хозяйство сельского капиталиста в своей совокупности представляет по деревенскому масштабу сравнительно крупную величину со средним годовым доходом около 2 тысяч рублей.

«Собственное сельское хозяйство с эксплуатацией наемного труда и с переработкой сельско-хозяйственной продукции своего и чужого хозяйства и со спекуляцией ею составляет основную базу кулачества. Обработка своим скотом и инвентарем земель маломощных на кабальных для них условиях дает до 10% дохода. Составляя около 5% населения, кулачество сосредоточивает прямыми и косвенными путями в своих руках около одной пятой части товарной продукции деревни, в частности, хлеба, около одной шестой части посева и около одной девятой части рабочего скота, ставя также в зависимость от себя часть деревенских низов и в смысле их снабжения» (Ю. Ларин. «Сельско-хозяйственный пролетариат СССР», стр. 7).

Таковы, в известной части, положения, выдвинутые указанной выше комиссией.

Общее количество рабочих и служащих, занятых по найму во всем сельском и лесном хозяйстве, кроме государственного, а также в переработочных и т.п. предприятиях деревенских кулаков составляло в 1926/27 хозяйственном году около семи миллионов человек.

Состав пролетарской части наемного труда, по данным Особой Комиссии, составляет два миллиона триста тысяч человек (в том числе около 1.700 тысяч срочных, 300 тыс. поденных и 300 тысяч промысловых, рыболовных и проч.).

Особо стоят батраки и батрачки, составляющие почти три с четвертью миллиона. В эту группу входят случаи краткосрочного найма (менее, чем на три месяца) почти исключительно с поденной оплатой (3 миллиона). Та же комиссия дает нам весьма характерные цифры наемного труда, по которым оказывается, что в 1926/27 г. 782.000 кулацких хозяйств прибегало к найму срочных рабочих в размере 1.500.000, тогда как 622.000 середняцких хозяйств имели 420.000 срочных рабочих. Следовательно, главная масса наемных рабочих сосредоточена в кулацких хозяйствах (см. Ю. Ларин. «Социальная структура СССР»).

Таков численный состав сельского пролетариата по данным Особой Комиссии. На первое июля м. г. по данным ЦК союза сельхозрабочих зарегистрированных в виках и сельсоветах договоров числилось один миллион 17 тысяч. Обследование ЦКК—РКИ констатирует рост наемного труда в сельском хозяйстве, неразрывно связанный в последние годы с особо быстрым ростом применения наемного труда в крупно-посевных и эксплуататорских хозяйствах при одновременной концентрации в этих хозяйствах все большей массы батраков.

Какие нарушения советского закона отмечает обследование ЦКК—РКИ в области наемного труда? Приведем текстуальные выдержки из материалов обследования:

«1) в ряде районов «Временные Правила» неправильно распространяются и на эксплуататорские промышленные хозяйства, которые должны подпадать под действие общего законодательства, в то время как «Временные Правила» имели своей целью облегчить применение подсобного наемного труда для хозяйств середняцких, временно ослабленных и т.п.;

2) не приняты необходимые меры по обеспечению батрачеству предусмотренного «Временными Правилами» госминимума, устанавливаемого в зависимости от особенностей с.-х. районов в отдельных сезонах работ;

3) неправильно распространяется на весь год удлиненный рабочий день, предусмотренный «Временными Правилами» лишь в отдельные с.-х. периоды, в результате чего рабочий день с.-х. рабочих, в частности, подростков, чрезмерно велик; продолжительность рабочего дня последних в большинстве случаев одинакова с рабочим днем взрослых;

5) невыполнение советскими органами постановлений о регистрации трудовых договоров, об организации примирительных комиссий для разбора конфликтов, возникающих между батраками и нанимателями, о социальном страховании батраков, об оказании медицинской помощи и др.

Особенно приходится остановиться на вопросе о продолжительности рабочего дня. По данным обследования РКИ, у 14,7 проц. рабочих, заключивших договоры с нанимателями, средний рабочий день соответствует установленному в договоре—от 8 до 9½ часов. В 76,3 проц. всех случаев он превышает установленный договором и достигает в среднем 12 часов. По данным обследования ЦСУ, в ¾ всех случаев продолжительность рабочего дня превышает предусмотренную договором и особенно велика в случаях отсутствия договора, в среднем, достигая 12,8 часов (13,3 час. у рабочих, работающих без письменного договора).

Из приведенной выдержки, таким образом, устанавливается массовое нарушение законов о труде, при чем это нарушение закона широко практикуется и низовым советским аппаратом, поскольку регистрируются неправомерные договоры.

Пресса, жалобы батраков и проч. материалы дают сотни и тысячи самых разнообразных случаев нарушений закона, вскрывают грубую эксплуатацию наемного труда и т.д. При чем в этих материалах, письмах, корреспонденциях вскрывается значительное количество совершенно неправомерных регистраций трудовых договоров, проводимых именно низовым советским аппаратом.

При таком положении вещей совершенно ненормальным представляется ничтожный процент жалоб батраков (1,3%), поступивших в 1926 г. в органы суда и прокуратуры, который дает нам статистика НКЮ.

Этот же процент жалоб, а также социально-классовый характер наемного труда в деревне и, наконец, нарушение закона о наемном труде низовым аппаратом положительно не допускают прекращения практики прокуратуры мест по просмотру договоров о наемном труде в виках и сельсоветах.

Затем мы не можем не указать на исключительно интересные материалы аграрной секции Комкадемии, собранные таковой в связи с разработкой проекта об основных началах землепользования и землеустройства. В системе целого ряда материалов, характеризующих земельные отношения в деревне, было чрезвычайно важно

получить непосредственно с мест материал по вопросу классовой борьбы в деревне во всех ее видах и формах. Для этого секцией были изучены по 40 крупнейшим газетам Союза корреспонденции селькоров. Почти половина заметок падает на вопросы борьбы кулачества за землю. Всего, таким образом, набралось 162 заметки по данному вопросу. Заметки эти рисуют основные линии, по которым направлена кулацкая активность в вопросе о землепользовании. Сведенные в таблицу они дают следующую картину:

1. Кулаки против землеустройства бедноты.	33% заметок.
2. Кулаки незаконным образом получили лишние наделы.	29% »
3. Борьба вокруг аренды земли.	21% »
4. Продажа земли.	14% »
5. Отказ дать землю переселенцам, батракам, красноармейским семьям.	5% »
6. Незаконное наделение земель церковного причта.	3% »

Почему кулак является противником землеустройства? На этот вопрос дает ответ следующая таблица:

1. Кулаки боятся потерять свои излишки.	40% заметок.
2. Беднота хочет перейти на широкие покосы и многополье.	24% »
3. Кулаки на трехпольку.	12% »
4. Кулаки против дележки земли и лугов по едокам, а за дележку по скоту.	12% »
5. Беднота хочет вернуть себе свою землю, которую она оставила в голодный 1921 год.	8% »
6. Кулаки вообще против всех начинаний ячейки комсомола и тем самым против землеустройства.	4% »

При исчерпывающем анализе указанных материалов аграрная секция Комм. Академии, естественно, не могла не поставить вопроса о влиянии кулака на госаппарат.

Какими методами кулаки не дают бедноте и середнякам проводить в жизнь землеустройство, показывает нижеследующая таблица, составленная на основании тех же корреспондентских заметок.

Кулаки препятствуют землеустройству, не используя аппарата земобщества:

Судебной волокитой.	9%
Агитацией против землеустройства.	18%
Попытками подкупить землеустроителей.	5%
Убийством деревенских активных работников, выступающих за землеустройство.	3%

Используя аппарат земельного общества:

Непосредственным на сельский сход.	17%
Введением к комиссии по переделам своих представителей.	15%
Срывом собраний.	15%
Созданием блока старожилов против новопоселенцев.	6%
Через сельсоветам.	12%
	65%

Таким образом, в 65 случаях из 100 кулак использует земобщество в своих интересах.

То обстоятельство, что в известной части низовой советский аппарат подпадает под влияние кулаков, подтверждает защищаемое нами положение о необходимости обследования указанных выше договорных отношений, независимо от действий по жалобе.

Думается, что и эти последние данные социально-экономического существа классовых процессов деревни отнюдь не ослабляют необходимости теснейшей увязки прокуратуры с низовым советским аппаратом.

К характеристике существующей обстановки деревни и в связи с постановлением XV съезда Партии о необходимости борьбы с лжекооперативами небесполезно будет кратко остановиться на выводах обследования НК РКН семи тысяч колхозов в РСФСР, что составляет около трети всех колхозов Союза ССР. При установлении, какая часть этих колхозов является лже-колхозами, применялись такие признаки: 1) хозяйство, юридически являясь колхозом, фактически ведется не руками членов, а наемными

рабочими; 2) под юридической вывеской колхоза каждый член фактически ведет свое отдельное единоличное хозяйство, т.е. колхоз устроен только для использования налоговых, кредитных и других льгот; 3) колхоз составлен из небольшой зажиточной группы, которая отказывается принимать в свой состав середняков и бедняков, т.е. представляет собой своего рода «акционерное общество»; 4) внутри колхоза одни члены эксплоатируют других членов, напимают их и т. п., при чем часть членов внесла в колхоз имущества много, другая часть членов мало, продукцию делят пропорционально внесенному имуществу, а сам колхоз является юридическим прикрытием прикрепления батраков к хозяйствам.

Всего, таким образом, обследовано 6.956 колхозов. Результаты оценены в постановлении Коллегии НК РКН от 10 июля 1926 г. и опубликованы в № 2 журнала «На аграрном фронте» за 1927 год. Оказалось, что из всех колхозов Саратовской губ. 22% являются лже-колхозами. В Татарской республике лже-колхозов 29%, в Средне-Волжском районе—30%, на Северном Кавказе—10%, в Сибири—30%, в Московской губ., так сказать, непосредственно под рукой у центра,—35%. В среднем, из всех 6.956 колхозов лже-колхозами оказалось 1.717 или 25%. Таким образом, по этому обследованию, а оно обнимает 1/3 всех колхозов Союза ССР, целая четверть относится к лже-колхозам¹⁾.

Чрезвычайно показательным, что в целом ряде колхозов, как отмечает обследование, широко практиковалась эксплоатация наемного труда, незаконно использовались налоговые льготы и многое другое.

Следует категорически подчеркнуть, что и по этой линии жалоб не возбуждалось, несмотря на целый ряд к тому оснований.

Мы извлекли эту справку из обследования колхозного движения для того, чтобы показать, что такого рода незаконные явления в жизни деревни могут быть вскрыты только путем соответствующего обследования (конечно, прокуратура не призвана производить эти обследования). Только путем организационной увязки прокуратуры с низовым советским аппаратом и на фронте коллективизации сельского хозяйства могут быть вскрыты незаконные явления в жизни колхозов, что по постановлению XV съезда Партии является актуальной задачей. Отсюда было бы крайне ошибочно полагать, что прокуратура и в этой области должна действовать только по жалобе.

Таким образом, надо прийти к выводу, что ограничение деятельности прокуратуры в деревне в отношении колхозного строительства путем действия только по поступившей жалобе по существу означает изолирование прокуратуры и от этой последней стороны жизни деревни.

Наконец, мы не можем не указать и на такой тип капиталистической организации производства в сельском хозяйстве, как организация производства под видом сдачи в аренду своего инвентаря и рабочего скота.

Этот тип капиталистической организации, как показывает целый ряд исследований (т.т. Крицман, Ларин, Яковлев и друг.), является наиболее эксплоататорским и широко распространенным.

В минувшем году в связи с обследованием Лысогорской волости Саратовской губернии мы на страницах «Е. С. Ю.» указывали на широкие размеры кабальных сделок именно в этой последней области договорных отношений.

1) См. Ю. Ларин—«Частный капитал в СССР», стр. 91.

Эксплуатация путем маскарадной «сдачи в аренду» своего рабочего скота и инвентаря является сейчас одним из наиболее распространенных видов капиталистического предпринимательства в деревне.

Ю. Ларин в своей книге «Частный капитал в СССР» путем следующей таблицы показывает, что «нанимателем» является беднота.

Группа хозяйств:				Из них нанимает «сдельных рабочих» в %.
Сейчас до 1 дес.	1	дес.	...	39,6
» от 1 до 2 дес.	2	дес.	...	23,9
» » 2 » 3 »	3	дес.	...	4,2
» » 3 » 4 »	4	дес.	...	5,0
» » 4 » 6 »	6	дес.	...	3,1
» » 6 » 10 »	10	дес.	...	2,9
» » 10 » 16 »	16	дес.	...	5,9
» » 16 » 25 »	25	дес.	...	1,5
Свыше 25 дес.				0

Перед нами яркая картина, как «сдельные рабочие нанимаются» преимущественно беднотой. На вид здесь бедняк нанимает капиталистического предпринимателя в качестве сдельного рабочего с лошадыю. На деле же кулак для извлечения эксплуататорского дохода в свою пользу обрабатывает землю бедняка, юридически не арендуя ее. За пользование землей кулак платит бедняку меньшую часть урожая с обрабатываемой таким образом земли. А юридически считается, что бедняк «нанятому» им «сдельному рабочему» платит «заработную плату» в виде большей части урожая. За вспашку, за привоз урожая с поля в деревню, за вывоз для продажи на пункт и т. д., за всякую сдельную работу безлошадный «платит» кулаку изрядную долю урожая (в Сибири, напр., за один только вывоз снопов с поля «платят» один сноп из каждых четырех и т. д.). Это — система «пролетарской» маскировки кулаком фактически капиталистических отношений (мнимый «наниматель» является обычно фактическим рабочим своего «сдельного работника»). Система такой маскировки проводится кулаком для предохранения себя от лишения избирательных прав или от регистрации договора на аренду земли у бедняка, или на наем самого бедняка. Цель маскировки — лишение бедняка той защиты закона, какую бедняк получил бы при открытии обнаружении действительных капиталистических отношений и при регистрации соответствующих договоров.

В кассационной инстанции Саратовского губсуда в минувшем году мы встретили десятки дел о расторжении кабальных сделок по этой линии арендных отношений бедноты с предпринимательскими группами деревни, причем значительное большинство дел, например, по Ново-Узенскому у., возбуждено по инициативе самой бедноты, менее по инициативе вигов и сельсоветов, и ни одного дела по инициативе прокуратуры.

При обследовании Лысогорской волости мы именно в вики и сельских советах получили исчерпывающие сведения по этой линии. След, и в этом случае прокуратура, осуществляя борьбу с ростовщичеством, эксплуатацией и кабальными сделками, должна строить свою работу по линии не изолирования себя от низового советского аппарата, а путем органической увязки с ним, при чем формы этой увязки могут и должны быть различны: обследование некоторых материалов, получение информации, проверка исполнения данного закона и т. д.

Концентрировать же работу только на жалобе это значит и в данном случае пройти мимо «самой жизни», мимо тех социально-экономических процессов классового расслоения деревни, на основе учета и обстоятельного изучения которых только и мо-

жет быть проводима правильная политическая линия в работе.

Вряд ли нужно особо доказывать, наконец, и необходимость проверки закономерности действующих обязательных постановлений вол/рай/исполкомов. Постановлением Правительства от 23 июля м. г. права вигов по изданию обязательных постановлений весьма расширены. Между тем, опыт и наблюдения показывают, что и в настоящее время вики так «законодательствуют», что значительное, если не преобладающее количество протестов по многим губерниям прокуратурой приносятся на незаконные обяз. пост. В истекшем месяце Отдел Общего Надзора закончил изучение протестов прокуратуры мест за I полуг. 1927 г. Это изучение показало, что по 42 губ. количество протестов прокуратуры выросло на 43% больше II полуг. 1926 г. и на 109% больше первого полугодия этого же года. Основная масса протестов падает на постановления волостных и районных исполкомов. Таких протестов принесено за полугодие 12.412, т.е. 60,5% всей массы протестов. По полугодиям прошлого года процент протестов на постановления вигов и риков составлял соответственно 48,9% и 49,6%. Следовательно, охват прокурорским надзором низовых органов власти неуклонно растет. Две трети всех протестов приносятся на постановления вигов и риков. По сущности нарушений, вызвавших протесты прокуратуры мест, на первом месте стоят противозаконные штрафы—50,6% всех протестов за полугодие. Это последнее обстоятельство служит доказательством тому, что в данный момент было бы положительно неправильным отказываться от обследования закономерности административной репрессии низового аппарата и осуществлять этот надзор только по поступившей жалобе.

Что представляют из себя жалобы, поступившие в прокуратуру в 1926 г.?

По 40 губ. за 1926 год поступило 240.079 жалоб. Характерно отметить, что жалобы от батраков составляют лишь 1,3% к общему количеству поступивших жалоб. От деревенской бедноты и батраков вместе—2,5% жалоб. Жалобы приносились на административные взыскания—4,3%, между тем как протесты прокуратуры на неправомерность административных репрессий, как мы уже указывали выше, составляют 50,6% к общему количеству принесенных протестов. Отсюда надо сделать вывод, что подавляющее количество протестов прокуратуры на неправомерность административных взысканий явилось результатом обследования низового аппарата, а не вследствие поступившей жалобы.

Весьма показательно, что на кабальные сделки поступило всего лишь 0,4% жалоб, тогда как действие ростовщического и промышленного капитала в деревне, находящего свое выражение в указанных выше процессах, порождает десятки и сотни тысяч всякого рода кабальных сделок, эксплуатации и проч. Это обстоятельство показывает, что работа прокуратуры по линии охвата указанных хозяйственных процессов деревни еще все впереди. Не представляет исключения в данном случае деревня и Московской губ., поскольку данные аграрной экономики и процессы классового расслоения по Моск. губ., как они были представлены в докладе т. Баумана на XVI губпартконференции, говорят о наличии некоторых факторов, отнюдь не исключающих наличия кабальных сделок в деревне Москвы.

Тов. Бауман в своем докладе, отмечая широкое развитие кустарных промыслов в губ., в отдельных уездах охвативших до 85% населения и составляющих бюджет крестьянского двора из двух источников: от земледелия 33 руб., а от неземледельческого заработка 140 руб., утвер-

ждает, что кулак несколько в большей мере, чем в сельском хозяйстве, растет, как скупщик, сбытчик товара, как подрядчик, в торговле, в кустарных промыслах.

Отмечая, что по губ. насчитывается не менее 100 тыс. кустарей, а в Богородском и Орехово-Зуевском уездах большинство населения сочетает сельское хозяйство с не-земледельческими заработками, т. Бауман приходит к выводу, что «своеобразие процесса расслоения крестьянских хозяйств в Моск. губ. заключается в том, что происходит образование слоя устойчивых середняцких хозяйств, наиболее приспособленных к земледелию, при весьма незначительном выделении кулацко-эксплуататорской верхушки, с одной стороны, и росте полупролетарского населения в деревне, не впадающего в пауперизм, а занятого неземледельческими заработками».

Указанная обстановка деревни Моск. губ., таким образом, не исключает также наличия кабальных сделок (поскольку действия ростовщического капитала в деревне обуславливаются ростом кулака-скупщика, торговца, подрядчика и т. д.).

Причины отсутствия жалоб на кабальные сделки или их крайне ограниченное количество надо, следовательно, искать не в объективной обстановке деревни Моск. губ., а в другой плоскости.

Если ограничить работу прокуратуры в деревне только приемом жалоб, то и дальше мы будем иметь крайне незначительное количество жалоб на кабальные сделки, несмотря на определенные процессы, широко охватившие деревню и Моск. губ. и порождающие в некоторых случаях кабальность отношений между различными прослойками населения.

При разрешении вопроса о методах прокурорской работы в деревне необходимо еще иметь в виду и некоторые болезни нашего низового советского аппарата. Об этих болезнях говорят следующие цифры: в 1926 г. против работников низового советского аппарата было возбуждено 20.255 уголовных и 2.935 дисциплинарных преследований, а всего 23.191 дело.

Думается, что эти цифры указывают на необходимость теснейшей увязки прокуратуры с низовым аппаратом, одной из форм которой, как мы уже указывали выше, и является обследование.

Итак: 1) Отмеченные выше процессы социального расслоения деревни, получающие свое выражение в договорных отношениях различных хозяйствующих прослоек деревни, требуют пристального внимания прокуратуры, поскольку эти отношения зачастую содержат в себе кабальность, ростовщичество и эксплуатацию маломощных элементов капиталистически-предпринимательскими группами деревни.

2) Указанные договорные отношения в силу действующего законодательства получают свое отражение в определенных актах, документах низового советского аппарата, проверка правомерности фиксирования которых составляет важнейший момент в надзорной практике прокуратуры. Эта проверка закономерности регистрации договорных отношений составляет совершенно самостоятельный момент в надзорной практике прокуратуры, независимый от действия по поступающей жалобе.

3) Политический курс Партии, установленный XV Съездом, фиксирует внимание госаппарата на важнейших узловых моментах строительства социализма, в многогранной системе которых огромное значение имеют рассмотренные выше хозяйственные процессы деревни.

Приведенные материалы ЦКК—РКИ, Комм. Академии и Особой Комиссии СНК Союза, наряду со вскрытием определенного характера различных форм капиталистиче-

ского предпринимательства в деревне, указывают на значительное уклонение этого предпринимательства от норм действующего закона. Пресечение же указанных нарушений закона, стройная практическая система мероприятий по охране прав и защита интересов маломощных прослоек деревни невозможны вне проверки закономерности некоторых материалов низового советского аппарата, вне теснейшей увязки с последним.

4) Как показывает статистика и опыт, поступающие в органы прокуратуры жалобы далеко не охватывают изложенных в настоящей статье важнейших моментов хозяйственной обстановки деревни, имеющих исключительно серьезное политическое значение. Поэтому ограничение надзорной практики прокуратуры действием лишь по жалобам означает по сути дела не изменение только методов работы, но и ее свертывание на таких важнейших участках, как договорные отношения, по существу определяющие собой темп строительства социализма в деревне.

5) Обследования, как метод надзорной практики прокуратуры, должны уступить место общественным методам: связи прокуратуры с пролетарской общественностью деревни.

С массами и через массы, как правило, должны быть осуществляемы надзорные задачи прокуратуры. Однако, эта система работы не исключает необходимости, как уже указывалось, независимо от жалобы, производства проверки закономерности деятельности низового советского аппарата на определенных участках его работы; не исключает необходимости проверки исполнения важнейших законов; не исключает, наконец, необходимости дальнейшего упрочения крепнущей связи прокуратуры с низовым советским аппаратом, не только как с органом власти, но и как основным проводником мероприятий Партии и Правительства среди широчайших масс трудящихся, направленных на достижение конечных целей борьбы рабочего класса.

В. Мокеев.

Цифровые иллюстрации к проекту УПК.

Начавшееся обсуждение напечатанного в №№ 47 и 48 нашего журнала проекта нового Уголовно-Процессуального Кодекса показало абсолютную необходимость подкрепления проекта, конечно, в тех его местах, где можно ожидать наибольших разногласий, цифровыми данными. Наличие таких данных в значительной степени могло бы способствовать надлежащему направлению обсуждения, предупредить выводы и предложения, идущие в явный разрез с тем, что даст нам практика, дать более отчетливое представление о том, насколько правильны и целесообразны те или иные положения проектируемого закона. Поставив перед собой задачу подобрать все, что можно, в отношении тех положений проекта, которые, судя по начавшемуся обсуждению, могут явиться предметом наибольших споров, я нашел в материалах Статистической части НКЮ некоторые данные, могущие быть использованными в качестве иллюстрации к этим положениям. Не претендуя на исчерпывающую полноту этих данных, я взял их по отчетам только за 1-е полугодие 1927 года и в отношении только 5 губерний (хотя и с общереспубликанским итогом), полагая, что и это даст интересующемуся вопросом полезные указания. К сожалению, по ряду боевых вопросов проекта мне не удалось получить никаких данных (в частности, например, данных о степени участия в процессе защиты).

Ст. 11 проекта вносит весьма значительные изменения в вопрос о подсудности, идя, с одной стороны, в направлении расширения подсудности народного суда за счет дел нынешней губсудовской подсудности, с другой — в направлении установления нового порядка единоличного рассмотрения народным судьей значительной категории дел. Наконец, ст. 6 (вторая из предложенных проектом редакций) передает дела частного обвинения на разрешение органов примирительного разбирательства.

Что может дать проектируемое изменение подсудности?

Следующая таблица, сопоставляющая данные о количестве дел губсудов по действующей подсудности с количеством дел, которое осталось бы по проектируемой подсудности, представляется весьма интересной с точки зрения укрепления роли губернского суда, как суда, который должен быть «действительно исключительным судом соответственно той категории преступлений, с которыми он будет иметь дело» (Н. Крыленко. К проекту нового УПК—«Е. С. Ю.» № 47 1927 г.).

	Действующая подсудность.	Проектируемая подсудность.
Вологодская губ.	717	356 (49,0%)
Ив.-Вознесенск. губ.	1117	692 (61,9%)
Ленинградская »	2873	1449 (50,4%)
Саратовская »	2126	1100 (51,5%)
Тульская »	970	558 (57,5%)
По Республике	87086	37343 (41,7%)

Это весьма значительное сокращение подсудности губсуда должно увеличиться еще в большей степени, если принять во внимание, что, согласно п. 3 проектируемого наказа к ст. 11, президиум губсуда вправе передавать на рассмотрение нарсуда любое из подсудных ему дел, кроме только дел о преступлениях государственных, составляющих по всей Республике всего около 1% общего количества дел по действующей подсудности.

В результате данного сокращения губсудовской подсудности нельзя опасаться чрезмерной перегрузки и народного суда. Даже если то новшество, которое предложено 2-й редакцией ст. 6 проекта и которое может дать народному суду действительно громадную разгрузку (см. статью Радус-Зеньковича в № 32 журнала за 1927 г.), не будет осуществлено вовсе или будет осуществлено не полностью, передача предполагаемой категории дел из губсуда не должна сказаться сколько-нибудь ощутительно. По данной выше таблице подлежало бы передаче в 1-й половине 1927 г., примерно, около 50.000 дел. К общему числу дел, прошедших через народный суд в тот же период (1.063.553), переданное количество дало бы увеличение приблизительно на 4,6%. И хотя удельный вес этой дополнительной нагрузки был бы, конечно, несколько больше, чем приведенное количественное соотношение, все же говорить о могущей произойти в результате данного мероприятия перегрузке нарсуда не приходится.

Во время обсуждения проекта в секции права Коммунистической Академии неоднократно затрагивался вопрос, который в связи с наиболее остро ставящимся по проекту вопросом о роли сторон в процессе, несомненно будет затрагиваться при дальнейшем обсуждении. Это — вопрос о степени участия прокурорского надзора в обслуживании судебных заседаний. Данные, которыми оперировали отдельные товарищи, были чрезвычайно разноречивы, почему установление более или менее точных данных по этой части представилось мне весьма полезным.

Вот что мы имеем о выступлениях прокуратуры в народном суде:

	Общее число дел.	Число выст.	%
Вологодская губ.	6023	80	1,3
Иваново-Вознесенская губ.	7785	90	1,2
Ленинградская губ.	22381	273	1,2
Саратовская »	13144	281	2,1
Тульская »	10133	207	2,0
По всей РСФСР.	485891	7413	1,5

Несравнимо более высокий % выступлений прокуратуры дает губернский суд по уголовно-судебному отделению. Здесь, беря те же губернии, мы имеем колебание от 23% (Вологодская) до 56,5% (Тульская) при общереспубликанском 30,3%.

Наконец, еще большее участие прокуратуры мы имеем в уголовно-кассационных отделениях губсуда. Наименьший % здесь поднимается (по тем же губерниям) до 31,0 (Вологодская), наибольший — до 85,0 (Саратовская), при общереспубликанском в 46,3. Правда, здесь необходимо сделать некоторую оговорку: возможно, что при учете выступлений прокуратуры берутся и те случаи, когда прокуратура дает свое письменное заключение по делу. На такое предположение наталкивают данные по Тульской губернии, где количество прошедших через УКО дел в точности совпадает с показанным в отчете количеством выступлений.

Цифры, определяющие участие прокуратуры в судебных заседаниях уголовно-судебного отделения, дают основание для вывода, что требование ст. 15 проекта (2-й из предложенных редакций), по которому «в губернском суде участие прокуратуры, как правило, обязательно», после проведения проектируемого сокращения подсудности губсуда сможет быть выполнено прокуратурой без какого-либо особого напряжения.

Больших споров надо ожидать по имеющему громадное значение вопросу о судьбе распорядительных заседаний. Хотя т. Крыленко в своей указанной выше статье и не остановился совершенно на этом моменте, острота той постановки вопроса, какую мы имеем в проекте, очевидна: он упраздняет распорядительные заседания. Основным доводом, приводимым противниками этого новшества в процессе, являются указания на ту большую, контролирующую предварительное расследование, работу, которая, якобы, прodelывается распорядительными заседаниями. Солидность этого именно довода я и попытался проверить по данным статистики. Должен оговориться, что имевшиеся в моем распоряжении данные не позволили добыть для выводов точных, каких хотелось бы, обоснований и последние являются в значительной степени приблизительными. Кроме того, взят только губернский суд, хотя, конечно, установление ненужности его распорядительных заседаний исключает возможность иного разрешения вопроса о распорядительном заседании народного суда.

Губернский суд из прошедших через него в 1 полугодии 1927 г. прекратил дел:

Вологодский	275 (45,8% всего поступления).
Иваново-Вознесенский	558 (62,1%) »
Ленинградский	576 (49,9%) »
Саратовский	807 (51,8%) »
Тульский	461 (52,0%) »

По всей Республике губернские и окружные суды прекратили 29.387 (48,4% всего поступления) дел. Поскольку соответствующая графа отчетности говорит о прекращенных делах, надо считать, что приведенные данные, без большой ошибки, могут быть отнесены целиком к работе распорядительного заседания. Процент прекращения действительно велик. Но в какой степени это

недопущение до суда половины всех дел может быть приписано контролирующей работе распорядительных заседаний, говорят следующие цифры (по прокурорской отчетности) о количестве дел, прошедших в порядке ст.ст. 203 и 228 УПК, прим. к ст. 6 и ст. 8 УК:

	По 203 УПК, 6 и 8 УК.	По 228 УПК.	ВСЕГО.
Вологодская губ.	322	67	389
Иваново-Возп. »	524	62	586
Ленинградская »	656	46	702
Саратовская »	866	76	942
Тульская »	484	43	527
По Республике	26.964	2.117	29.081

К сожалению, из этих количеств нельзя точно выделить количество дел, направленных в народный суд. Но если принять во внимание, что к подсудности народного суда из дел, по комм. ст. 108 УПК требует производства предварительного следствия, относятся такие, которые не могут быть вообще многочисленными (2 ч. 95, 130, 137—141, 155, и «д» 162 и 3 ч. 165 УК), и количество которых вряд ли превысит получающийся от сравнения приведенных таблиц губернский остаток, то можно прийти к представляющему мне очень близким к истине выводу: прекращение дел распорядительным заседанием лишь в самой незначительной степени является следствием его самостоятельной работы, как правило же, распорядительное заседание прекращает лишь то, что поступает в суд для оформления решения следователя или прокурора.

И еще некоторые цифры в подтверждение того, что основная работа по проверке предварительного следствия проходит не в распорядительном заседании. Берем данные о количестве следственных дел, по которым прокуратура в той или иной форме (ст.ст. 227, 228 и 2 ч. 229 УПК) не согласилась со следователем:

	Поступило по 211 ст.	Прокуратура не согласилась.
Вологодская губ.	767	по 170 (22,2%)
Иваново-Возп. »	833	» 152 (18,3%)
Ленинградская »	2314	» 238 (10,3%)
Саратовская »	1074	» 191 (18,7%)
Тульская »	795	» 118 (14,8%)
По Республике	43526	» 7074 (16,2%)

После этого контроля поступающее в суд следственное производство, если и получает обратное направление—к исследованию, то такое направление дается обычно судебным заседанием, а распорядительным заседанием лишь в исключительно редких случаях. И если вообще % дел, направляемых к исследованию судами, остается пока еще сравнительно высоким, колеблясь по взятым нами губерниям от 3,5 (Тульская губ.) до 6,3 (Ив.-Вознесенская губ.), с общереспубликанским в 6,3%, это обстоятельство, свидетельствуя о не совсем полном благополучии в области предварительного следствия, тем не менее, конечно, ни в какой степени не может быть использовано как довод в защиту сохранения распорядительных заседаний.

Ст. 54 проекта, перечисляя основания для отмены приговоров в кассационном порядке, не содержит в себе пункта 4 соответствующей этой статье ст. 413 действующего Кодекса, признающего основанием к отмене и «явную несправедливость приговора». По существу такое изменение вряд ли может быть признано значительным, поскольку несоответствие назначенной судом меры социальной защиты все же остается основанием для отмены

приговора, правда, только в ревизионном порядке (ст. 65 проекта и п.п. 1 и 2 наказа к ней). Изменение это не может повлечь за собой и сколько-нибудь существенных количественных последствий, ибо статистика говорит, что и. 4 ст. 413 в 1-м полугодии 1927 г. был применен (% к общему числу отмененных приговоров):

В Вологодской губ.	по 1 делу	(0,4%)
» Ив.-Вознесен. »	» 14 делам	(7,4%)
» Ленинградской »	» 1 делу	(0,2%)
» Саратовской »	» 7 делам	(2,3%)
По Республике	» 353 делам	(2,3%)

В статье 67 проекта дается попытка, в соответствии с принятым Коллегией НКЮ тезисом 14-м о реформе УПК—«смягчение приговора без обращения дела к новому рассмотрению... должно допускаться лишь в ограниченных пределах»,—установить максимальные пределы для изменения судом 2-й инстанции приговоров. Статистика показывает, что тенденция к такому ограничению имеет под собою некоторые основания.

Так, из прошедших через губсуды в 1-м полугодии 1927 г. дел изменены кассационной:

В Вологодском губсуде	226 (10,2%)	приговоров
» Ив.-Вознесенск. »	240 (17,9%)	»
» Ленинградском »	693 (16,3%)	»
» Саратовском »	541 (26,6%)	»
» Тульском »	316 (17,7%)	»
По всей Республике	20.248 (21,1%)	»

Порядок надзора, как он определяется разделом V проекта, подвергся некоторым изменениям по сравнению с порядком действующим, но все же не приведен в такое состояние, при котором он мог бы считаться порядком действительно исключительным. По-прежнему, право истребования дел представляется в любой стадии процесса, т.-е. и тогда, когда возможно на ту или иную ошибку процесса реагировать мерами обычными.

По данным, относящимся к надзорному производству, оно никак не может быть признано имеющим повсеместно характер исключительного.

Взятые в работе губернии в этом отношении не являются показательными, т. к. ни в одной из них количество надзорных дел, прошедших через прокуратуру, не превысило 10% к количеству дел, прошедших по 211 статье, но зато чрезвычайно показательна средняя по всей Республике, по которой количество надзорных дел составляет 12% количества всех следственных, прошедших через прокуратуру по 211 статье.

А. Иодковский.

Упрощение гражданского процесса и предложения НК РКИ¹⁾.

В опубликованных в №№ 39 и 40 «Е. С. Ю.», предложениях НК РКИ СССР и НК РКИ РСФСР по гражданскому процессу содержится ряд, по меньшей мере, весьма спорных положений. На двух из них, именно о специальных возмещениях за причиненную утерю рабочего времени и о вынесении немотивированных решений в случае признания ответчиком основания и размера иска, мы и хотим остановиться.

Вопросу о возмещении за причиненную утерю рабочего времени посвящен пункт 3 раздела А («прохождение дел в народном суде»). Напомним его текст: «Для уменьшения количества неосновательных исков суду

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения.

должно быть предоставлено право с злоупотребляющей сутяжничеством стороны, помимо судебных издержек, присуждать в пользу другой стороны и специальные возмещения за причиненную утерю рабочего времени; при чем суду должно быть предоставлено право возмещения такого рода присуждать не только в пользу стороны выигравшей, но и в пользу стороны проигравшей, если из обстоятельств дела обнаружится, что выигравшая сторона вела спор в суде с явно сутяжническими методами (случаи обращения с ее стороны, случаи предъявления явно преувеличенных по размеру исков и т. п.).

Смысл этого пункта ясен—предполагается ввести взыскание со сторон, помимо судебных расходов, еще особой компенсации за потраченное рабочее время.

Возместить стороне, вовлеченной в сутяжнический процесс, все 100% понесенных ей расходов, оплатить ей даже полностью все то время, которое она потратила на явку в суд,—цель благая.

Однако, какую же связь она имеет с задачей «уменьшения количества неосновательных исков», во имя чего предлагается введение специальных возмещений? Нам представляется, что никакой. Когда дело ведется через представителя, то при наличии в ГПК примечания к ст. 46, предусматривающей возмещение расходов по вознаграждению представителя, вообще вопроса о возмещении за потерю рабочего времени, как самостоятельного вопроса, возникнуть не может. Сумма, присужденная в порядке примечания к ст. 46 ГПК, включает в себя и оплату того времени, которое представитель потерял на участие в процессе. Но и в тех случаях, когда присуждаемые по действующему закону в пользу стороны суммы не будут в полной мере возмещать ей тех издержек, которые она понесла в связи с участием в сутяжническом процессе, «специальное возмещение за утерю рабочего времени», ничего того, что способствовало бы «уменьшению количества неосновательных исков или вообще имело положительные результаты в деле борьбы с сутяжничеством» не даст. Специальное возмещение практически соединится с судебными издержками и прочими суммами, присужденными в пользу стороны, утратит свое специальное назначение. Никакого эффекта, необходимого в деле борьбы с сутяжничеством, не будет (а путаница в исчислениях получится большая!).

Если этот вопрос о борьбе с сутяжничеством ставить всерьез, то нужно отказаться от попытки возмещения пострадавшей от сутяжничества стороне всех понесенных ею издержек (этот момент в данном случае имеет второстепенное значение) и пойти по пути публично правового воздействия на злоупотребляющую своими правами сторону. Гражданский Процессуальный Кодекс Украинской ССР знает такое воздействие. Ст. 52 этого Кодекса предоставляет суду право за явно недобросовестное ведение дела подвергать тяжущихся и их представителей штрафу до 50 рублей.

Оговорку о том, что «возмещение за причиненную утерю рабочего времени» можно присуждать «не только в пользу стороны выигравшей, но и в пользу стороны проигравшей», нельзя рассматривать иначе, как сплошным недоразумением.

Удовлетворение судом претензий истца и не только в целом, но даже в части, является прямым доказательством того, что иск был предъявлен основательно. Истец обратился за содействием суда не потому, что ему хотелось потаскать по судам своего противника, а потому, что он имел право на судебную защиту. А раз так, то нельзя говорить о присуждении с него того специального возме-

щения, которое устанавливается в целях «уменьшения количества неосновательных исков».

Совсем неубедительны случаи, указанные в «предложениях», когда с выигравшей стороны может быть присуждено подобного рода взыскание.

Первый из них—обращение в суд без надлежащего предупреждения противной стороны.

Прежде всего, возникает вопрос, какие конкретно случаи имел в виду автор предложений?

Если он считает, что обращение в суд вообще без предупреждения противной стороны является сутяжничеством, то он глубоко заблуждается. Каждый участник гражданского оборота (кредитор) при невыполнении должником принятых на себя обязательств имеет право обратиться в суд с соответствующим иском. Делать какие-либо предупреждения ответчика о том, что он обратится в суд, он не обязан. Да и обязан быть не может. В отдельных случаях предупреждение просто-напросто может сделать бесцельным обращение в суд. Ответчик, будучи предупрежден о том, что кредитор собирается предъявить к нему иск, может заблаговременно ликвидировать имеющееся у него имущество и этим самым сделать невозможным взыскание присужденных с него сумм. Правда, в некоторых случаях предупреждение может дать положительные результаты: ответчик, узнав о намерении истца предъявить иск, добровольно выполнит лежащие на нем обязательства и таким образом отпадет необходимость в возбуждении дела. Однако, это не довод. Нельзя потому, что в некоторых случаях предупреждение ответчика о предъявлении иска может дать положительные результаты, возлагать на кредитора обязанность делать такие предупреждения во всех случаях, хотя они и могут иметь для него крайне нежелательные последствия.

Возможно, предложения РКИ имеют в виду те частные случаи, когда закон обязывает кредитора до обращения в суд предъявить должнику то или другое требование (напр., ст. 171а Гр. Код.) или сделать предупреждение (напр., ст. 5 пост. ВЦИК и СНК от 18 октября 1926 г. «об урегулировании взноса квартирной платы и о выселении неплательщиков—С. У.» 1926 г. № 72, ст. 570).

Но если даже здесь нужно подразумевать эти частные случаи, то и тогда все же пример нельзя признать удачным. Ведь специальное возмещение устанавливается в пользу противной стороны за утерю рабочего времени. Спрашивается, на основании каких данных суд может установить, что если бы было сделано «надлежащее» предупреждение, то ответчик добровольно уплатил бы все, что с него следовало, не должен бы был тратить время на участие в процессе? На основании утверждений ответчика, конечно, сделать такого вывода нельзя—это ясно. Свидетельскими показаниями точно также этого обстоятельства доказать нельзя, т. к. в выявлении тех результатов, которые могло бы иметь надлежащее предупреждение, свидетели оказать суду помощь не могут.

Второй из приведенных случаев тоже ни в малейшей степени не доказывает возможности присуждения «специального возмещения» в пользу стороны проигравшей. Если иск предъявлен с явным преувеличением, то от этого страдает истец: он платит явно преувеличенные судебные пошлины (конечно, в тех случаях, когда он не освобожден от их уплаты). Ответчик же никакой дополнительной утери времени от такого преувеличения иска не имеет. Если бы иск был предъявлен в размере действительных требований истца, то ответчик так же должен был бы явиться в суд, как и при предъявлении преувеличенного иска.

Резюмируя сказанное, следует прийти к такому выводу. Та повелла, которая дается в п. 3 предложений НК РКИ ничего в деле борьбы за уменьшения количества неосновательных исков дать не может и от нее во избежание осложнения процесса безусловно нужно отказаться.

Не может не встретить самых решительных возражений п. 4 того же раздела А «предложений по гражданским делам».

Предполагается предоставить суду право в случае признания ответчиком основания и размера иска выносить не мотивированное решение, а краткую лишь резолюцию.

Это положение в корне противоречит основным принципам советского гражданского процесса.

ГПК в отличие от дореволюционного устава гражданского судопроизводства, выделявшего признание из всех

прочих доказательств по делу и признававшего его за доказательство, не подлежащее проверке суда, все волеизъявления сторон, в том числе и признания, ставит под контроль суда. Об этом краспоречно говорит ГПК. Устанавливать для дел, связанных с признанием особый порядок вынесения решения, предоставлять суду право при наличии признания не обосновывать своих выводов и выносить немотивированные решения, и этим самым лишать кассационную инстанцию возможности проверить правильность такого решения—это значит скатываться, может быть не сознавая того, к дореволюционному состязательному процессу, признававшему за сторонами бесконтрольное распоряжение своими правами.

На такое «улучшение и ускорение техники прохождения дел» пойти нельзя.

Н. Кумыкин.

Места за обсуждением предложений НК РКИ СССР и РСФСР о низовой сети судебно-следственных органов и прокуратуры.

Упрощение уголовного процесса.

Не ставя своей основной задачей в настоящей статье полемику, я хотел бы только остановить внимание читателя на тех моментах работы низового судебно-следственного аппарата, которые в будущем, при осуществлении проекта выдвигаемой реформы, окажут немалый тормоз в работе низовой сети судебно-следственных органов и прокуратуры, а в некоторых частях, возможно, сорвут план работы на все 100%. Поэтому я считаю нелишним забежать немного вперед и остановиться на некоторых вопросах реформы.

1. Раздел первый п. 6 протокола НК РКИ: «Повестки о вызове сторон и свидетелей посылаются, как правило, почтой, при чем 1) по уголовным делам подлежит точному соблюдению ст. 223 УПК, а именно в повестках следует указывать не только инкриминируемую ст. УК, но и краткую сущность подлежащего разбору обвинения, и 2) по гражданским делам в повестках должно заключаться предложение о представлении сторонам доказательств в соответствии со ст. 80 ГПК». Надо полагать, что повестки о вызове сторон и свидетелей высылаются, как правило, почтой не только судом, но и следственной частью, а раз это так, то на этом пункте мне бы в особенности хотелось заострить внимание работников юстиции: до сего времени мы знали рассылку повесток по уголовным делам не по почте, как то предусматривается п. 6, постановления РКИ, а через органы милиции. Но в связи с тем, что в недавнем прошлом эти повестки милицией уже не стали приниматься, мы, работники суда и следствия, на местах столкнулись с вопросом, как же быть дальше. Как вручить повестку вызываемому и иметь в деле до дня вызова корешок с распиской вызываемого. Решили высылать по почте судебно-заказным отправлением. Это удовольствие при минимальном подсчете в пределах нашей действительности (Котельнический у. Вятской губ.) вылилось в такую форму. У нас 8 следственных и 16 судебных участков. Если мы возьмем в среднем поступление уголовных дел в судебные участки, 25 дел в месяц с 8 повестками в среднем на каждое дело, то получим 200 повесток в месяц на один судебный участок, а на 16 участков 3200 повесток в месяц, в год 38400 повесток, умножив их на 56 копеек—стоимость судебно-заказного

письма,—получим довольно солидную сумму в 21.504 рубля. Это только по нарсудам, а по 8 следственным участкам, где не 8 вызываемых, а гораздо более, а иногда одно и то же лицо приходится вызывать по несколько раз для дополнительного выяснения обстоятельств дела. При самом нашем скромном подсчете мы пришли к выводу, что на обеспечение судебно-следственных участков нашего уезда вручения повесток путем судебно-заказного отправления, т.е. почтой, как то предусматривается п. 6 протокола НК РКИ, необходимо 35000 руб. в год. Вместо 35000 получили, как и следовало ожидать, от местного бюджета 2880 рублей на все судебно-следственные участки уезда, по 120 руб. на каждый. Эта сумма отпущена не только на отправку повесток почтой, а на канцелярские и почтовые расходы вообще. Из 120 руб. на один участок мы должны заготовить: бланков, писчей бумаги, чернил, карандашей и т. д. на целый год, а остальную сумму (где она!?) можем использовать на отправление повесток. Однако, есть ли у нас средства или нет, на местах все же приходилось изыскивать пути рассылки повесток вызываемым. Посылать их через волостной исполнительный комитет (имею в виду уездные участки) нет никакого смысла, ибо в виках тоже нет на это средств и наши повестки вика рассылают с попутной почтой по сельсоветам или просто с попутчиком. Как же быть? Городские участки нашли выход. Повестки по городу разносит курьер. Но сходяш это с рук нарсудьям и следователям городских участков, пока инспекция труда не разобрала в чем дело. Уездные же участки решили посылать простые почтовые карточки в 3 копейки, на обороте которой и указывается время и срок явки вызываемого. Практика такого порядка вызова, как и следовало ожидать, ни к чему реальному не привела. Вызываемое лицо, будь то свидетель или обвиняемый получив эту почтовую карточку, преспокойно кладет ее в карман и не считает нужным явиться по вызову, в особенности, если плохая погода. Что ему вручена письмоносом почтовая карточка с вызовом, несомненно, но попробуйте вы это доказать. Вызываемое лицо всегда вам может заявить: «никакой карточки я не получал, что вам от меня надо»; следовательно, и 62 ст. УПК при таком положении теряет всю свою силу. Не можем же мы подвергнуть свидетеля приводу, не имея под руками никаких данных о том, что ему вручена наша

повестка. Не имея сведений о вручении повестки, и не зная причин неявки свидетеля в суд, последний тоже не может оштрафовать его. Короче говоря, с вопросом о вручении повесток мы пришли в тупик, из которого необходимо найти выход, иначе приходим не к разгрузке судебного следственного аппарата, а к загрузке. Вот почему я считаю своевременной и целесообразной постановку вопроса о вручении судебного следственных повесток.

Имея в виду, что тезисы Коллегии НКЮ выдвигают вопрос об организации судебной милиции, «а в случае же, если по каким-либо причинам не представится возможным ее организация, ее нужно выделить из того кадра милиции, что мы сейчас имеем, с передачей ей функций по производству дознания и т. д.»—если эта новелла будет разрешена в пользу реформистов, то мы будем иметь вторую часть работников милиции, освобожденную от дознательской работы, с исключительно административной деятельностью, в обязанности которой необходимо было бы в интересах дела, в интересах экономии средств ввести продолжение вручения судебного следственных повесток по уголовным делам, как то было и раньше. Рассылка же этих повесток почтой, как и показала практика работы, кроме срыва дел и траты средств, ничего не даст. Исключением может быть, конечно, то обстоятельство, если сеть судебного следственных участков будет обеспечена отпуском специальных денежных средств на рассылку повесток по почте, о чем в современной действительности мечтать не приходится. Ибо эти средства нужны на другое, более важное и необходимое.

2. Раздел третий п. а предложенный РКН говорит: «Распорядительные заседания в народном суде упраздняются. В соответствии с этим вопросы, связанные с прекращением дел и преданием суду обвиняемых, разрешаются следующим образом: 1) по делам, поступающим в порядке частных жалоб непосредственно в суд, или по делам, поступающим от органов дознания в порядке п. 2 ст. 105 УПК, вопрос о прекращении уголовного преследования или о предании виновных суду разрешается нарсудей единолично, при чем в первом случае он выносит соответствующее мотивированное постановление, а во втором—ограничивается наложением краткой резолюции, формулирующей сущность обвинения и соответствующую ст. УК, с указанием дня заслушания дела в судебном заседании. 2) По делам, по коим требуется производство предварительного следствия, а также по делам, проходящим через аппарат следствия в порядке п. 3 ст. 105 УПК, вопросы предания суду и прекращения соответственно разрешаются прокурором и нарследователем» (см. п. 6 раздел 5).

Вопрос о распорядительных заседаниях, которые некоторым тов. кажутся излишними,—можно, де, мол, без них обойтись, и ничего страшного не будет. Наоборот, падением в жизнь этой новеллы мы должны глубоко призадуматься, заранее взвесив все ее последствия, так как здесь мы сталкиваемся не только с практической, но и политической стороной дела. Достаточно вспомнить, что дела, рассматриваемые нарсудами, в своем подавляющем большинстве носят именно массовый характер, т. е. дела частного обвинения, кражи, хулиганство и т. д., порядок прохождения коих и вводится в единоличное рассмотрение нарсудьи, здесь мы сразу сталкиваемся с заинтересованностью масс. Интересно, что промелькнет в мыслях аудитории зала судебного заседания о таком единоличном рассмотрении? Не воскреснут ли в их умах былые годы мирового судьи? Над этим, мне кажется, необходимо призадуматься. Некоторые же товарищи склонны упразднить распорядительные заседания, кладя в основу своего

решения незначительный % разногласий, возникающих между судом и прокуратурой.

Однако, из этого же % вытекает и другой логический вывод, а именно: если при существующем положении когда в распорядительном заседании обе стороны не могут договориться мы имеем наличие официальных между ними разногласий (неофициальных, то-есть когда противная сторона, после долгих прений махнув рукой, соглашается с доводами другой стороны, возможно, и немало), то что же мы будем иметь тогда, когда распорядительные заседания будут заменены единоличным рассмотрением прокуратуры или следователя. Такая замена привела бы к нежелательным последствиям, создала бы в каждом отдельном случае двойственное представление о преступлении. Тогда мы будем иметь две независимые друг от друга административные единицы. Можно ли будет при тех условиях проводить действительно единую уголовно-судебную политику? Безусловно нет. Это мнение не единолично. Вот почему мы считаем по этому вопросу необходимым забежать вперед и взвесить последствия этой новеллы.

3. П. и «Отдела улучшения техники процесса» говорит: «В отношении дел массового характера (как дела по мелким кражам, хулиганство и проч.), поступающих от органов дознания, устанавливается в качестве опыта следующий порядок:

Нарсуд сообщает свой календарный план работы органам дознания, и последние, заканчивая производство, сами назначают день слушания дела в нарсуде, о чем сообщают тут же под расписку обвиняемому, потерпевшему и свидетелям: в случае прекращения такого дела до судебного заседания, сторонам и свидетелям сообщается своевременно повестками об их освобождении от явки в суд и т. д.».

Вряд ли такой опыт может дать какие-либо положительные результаты. Прежде всего календарный план нарсуда очень малое даст органам дознания. Скажем, к примеру, на сегодняшний день назначено два дела, а на следующий день пять дел.

Органы дознания, вполне естественно, назначат дело к слушанию на тот день, на который нарсудом назначено меньшее количество дел к слушанию, полагая, что чем меньше дел, тем больше свободного времени. В результате такого мышления легко впасть в ошибку, т. к. иногда и с двумя делами в судебном заседании можно потратить гораздо больше времени, чем с четырьмя или пятью делами. Короче говоря, органы дознания все равно лично или по телефону будут иметь с судьей договоренность по вопросу, на какой именно день целесообразнее назначить дело к слушанию. И, таким образом, день слушания по этим делам фактически будет назначаться судом. А так как этих дел, дел массового характера, в производстве органов дознания бывает всегда подавляющее большинство, то органы дознания, чтобы скорее сбыть его с рук, чуть ли не ежедневно, будут назначать их к слушанию в противоречии с календарным планом работы суда.

Вследствие такого положения может произойти не улучшение техники процесса, а загромождение.

4. П. 8 положения РКН отмечает: во всех, однако, перечисленных случаях участковому прокурору предоставляется право затребовать дела от нар. следователя или органа дознания к себе и по любому из них дать свое собственное направление и т. д. Свое же мнение следователь, если так можно выразиться, проглотит. С одной стороны, для следственного аппарата такое положение было бы лучше, а именно: при случае, когда это по-

требуется, всегда заявит: «я то при чем, таково распоряжение прокуратуры, вот вам в подтверждение и резолюция прокуратуры, и т. д.». Но для дела такое положение явится прямым ущербом. Я хочу задать всем теорикам и практикам вопрос. Кто лучше, кто полнее будет знать дело, следователь ли, копающийся с момента его зарождения во всех его тайниках, перед взором которого все свидетели, вещественные доказательства, экспертиза, выезд на место преступления проходят как на экране, или у прокурора, бегло перелиставшего листы дела. Сомневаюсь, чтобы кто-либо из вас мне ответил, что у последнего. У прокурора может быть более правильный классовый подход к оценке преступления, иногда его квалификации, но только не в путях события самого преступления. А раз это так, то необходимо, на мой взгляд, предоставить право следователю при разрешении спорного вопроса с прокурором и при расхождении во мнениях по этому вопросу передавать его на разрешение тому суду, которому подсудно дело, а наряду с этим оставить в силе 148 ст. УПК.

5. Никким образом нельзя согласиться с редакцией п. 3. «Максимальным сроком прохождения следственных дел ст. 108 УПК, независимо от того, служили ли таковые предметом расследования одних лишь следственных властей или также органов дознания, является два месяца». Нецелесообразность этого пункта нам сразу станет видна, если дело пробудет в производстве органов дознания 5—6 недель, и на седьмой, к примеру, будет передано по вновь открывшимся обстоятельствам к производству предварительного следствия. Поэтому редакцию вышеназванного пункта необходимо изменить примерно так: максимальным сроком прохождения следственных дел ст. 108 УПК со дня принятия к своему производству, является два месяца.

Нар. следователь 5 уч. Котельничского у.
Вятской губ. *И. Немченков.*
г. Котельнич.

Упрощение процесса и экономия по делам частного обвинения и заочным приговорам.

За последнее время на страницах «Е. С. Ю.» уделяется большое внимание вопросам упрощения процесса и экономии. Каждый судебный работник заинтересован в упрощении и удешевлении судебного процесса, поэтому мы и встречаем массу разных предложений, как упростить, удешевить процесс и разгрузить суды от ненужных дел.

Прав тов. Г. Ш., когда он говорит, что народные суды загружены делами частного обвинения, которые по его подсчету обходятся государству очень дорого («Е. С. Ю.» № 12—1927 г. стр. 348).

Данные о движении дел по народному суду 15 участка А. С. С. Р. немцев Поволжья говорят о том, что за время с 1 января 1927 года по 1 октября 1927 года дела частного обвинения составляют по отношению ко всем уголовным делам—25%. Из прошедших через народный суд за девять месяцев дел частного обвинения: прекращено за примирением сторон и на основании 270 статьи УПК—47,5% и рассмотрено по существу—52,5%. цифра довольно внушительная. Из рассмотренных дел по существу окончено: обвинительными приговорами—60% и оправдательными—40%. Получается, что почти одна треть всего времени народными судами тратится впустую по делам совершенно никому не нужным, для рассмотрения мелких

кляуз и ссор. Некоторые граждане в уверенности, что суд разберет, обращаются и в том случае, когда нанесится оскорбление животному или птица перелетит через плетень. Такие дела конечно не могут быть приняты, но это характеризует насколько часто встречаешь людей кляузных и жаждущих судебных тяжб.

Законодатель статьями 10 и 270 УПК сказал, что его отношение к делам частного обвинения безразличное, почему и представил возбуждение и примирение усмотрению потерпевшего, за исключением очень малого числа дел, имеющих общественный интерес, которые могут быть возбуждаемы прокурором в порядке 2 ч. 10 ст. УПК. К чему же оставлять сложность и дороговизну процесса по этим делам? Прав тов. Соловьев в своей статье «Экономия в судебном процессе» («Е. С. Ю.» № 36—1927 года стр. 1122), говоря, что УПК в делах частного обвинения действует в интересах потерпевшего, взваливая розыск обвиняемого за счет средств государства в то время, как отношение государства к этим делам безразличное.

Я хочу привести еще один часто встречающийся на практике случай. Согласно 270 статьи УПК в случае неявки потерпевшего или его представителя на суд для поддержания обвинения дело подлежит прекращению. Это в том случае, если суду известно о получении им повестки о вызове. Часты бывают случаи, когда потерпевший, возбуждав дело, перемещает свое местожительство, не уведомив об этом суд.

Неужели суд должен разыскивать потерпевшего для того, чтобы закончить возбужденное им дело? Конечно не должен. Поскольку государство делами частного обвинения не заинтересовано, то и нет никакой надобности проводить разграничение этих дел от дел гражданских в вопросе вызова и доставления повесток. Хочешь судиться, изволь уведомлять суд о перемене своего адреса. Необходимо в законодательном порядке обязать потерпевшего по аналогии со ст. 74 ГПК уведомлять суд о перемене своего местожительства, в противном случае повестку считать доставленной, предоставив суду право прекращения дел по 270 ст. УПК и вообще всю тяжесть расходов, как-то по вызову свидетелей и других возложить по аналогии с ст. 45 ГПК на потерпевшего. Вследствие того, что около 50% дел частного обвинения прекращается за примирением и в силу неявки потерпевшего, а из остальных только 60% оканчивается обвинительными приговорами, нет никакой надобности оставлять всю сложность дорого стоящего процесса, и вполне прав тов. Г. Ш., выдвигая вопрос о необходимости передать эти дела на единоличное рассмотрение народного судьи с вынесением краткого постановления на протоколе о наложении наказания на виновную сторону, что безусловно сэкономит время, ускорит и упростит процесс, дав возможность уделять больше внимание другим более важным делам и другой судебной работе.

Далее несколько слов о заочных приговорах. На основании ст. 353 УПК подсудимый имеет право просить суд в течение семи суток с момента вручения ему уведомления и копии приговора о новом рассмотрении дела. Что этим достигается? Ответ вполне ясен, что ровным счетом ничего, а теряется от того очень много, на чем я и хочу остановиться. Было проведено одно судебное заседание по делу, затрачено время всем составом суда, секретарем, делопроизводителем, вызывались свидетели зачастую издалека и все это напрасно из-за отсутствия подсудимого, неявка которого на суд в первый раз признана уважительной. Вновь проводится судебное следствие по делу, тратится время суда, секретаря, делопроизводителя, опять вызываются свидетели по ненужному для них делу, пе-

смотря на то, что дело уже рассматривалось со всеми формальностями, а если и были допущены процессуальные или иные нарушения, то они останутся в виду того, что народный судья в большинстве случаев тот же, а если народные заседатели другие, то они мало сведущи в процессуальных тонкостях. Заочные приговоры в большинстве выносятся по делам несложным, а по сложным делам суд в порядке 2 ч. ст. 265 УПК может признать явку подсудимого обязательной. Возможность исправления допущенных судом нарушений и ошибок имеется: путем принесения подсудимым кассационной жалобы на приговор в 14-дневный срок с момента вручения ему уведомления и копии приговора; в случае неправильности и грубых процессуальных нарушений он будет отменен в высшей кассационной инстанции.

По моему мнению, первую часть главы 26 УПК необходимо изменить в законодательном порядке в том направлении, что заочные приговоры могут быть обжалованы в кассационном порядке в 14-дневный срок с момента вручения уведомления и копии заочного приговора, исключив из нее новое рассмотрение дела тем же судом по ходатайству подсудимого. Этим можно упростить процесс, сэкономить время и средства.

Ожидая, что товарищи-читатели «Е. С. Ю.» выскажутся по выдвигаемым мной здесь предложениям.

Народный судья 15 участка АССР Немцев Поволжья
Холодов.

Село Золотое.

Роль юрисконсульта в гражданском процессе.

Как должен вести себя в гражданском процессе юрисконсульт, назначенный профсоюзом для защиты интересов члена союза в суде по делу, и как должно проходить это назначение.

Ведь каждый член союза может обратиться в профсоюз с просьбой о назначении ему защитника для защиты его интересов на суде по гражданскому делу и, казалось бы, что союз обязательно должен уважить просьбу своего члена, не входя в рассмотрение существа дела, т. е. основательны ли притязания истца или не основательны.

Нам кажется, что такой метод назначения профсоюзами поставил бы юридические консультации на скользкий путь. Ведь могут быть и недобросовестные иски, которые не удовлетворяются судами, а тем самым может создаться недоверие к юрид. консультациям со стороны союзной массы, т. к. всякое проигранное юрисконсультом в суде дело в глазах членов союза рождает его авторитет и тем самым отталкивает союзную массу от юридической консультации.

По вопросу же о том, какие дела должен вести юрисконсульт и какую роль он должен выполнять в процессе, есть разные мнения, так, например, М. Б. в «Е. С. Ю.» № 37—1924 года говорит: «всякое дело, которое не противоречит союзной тактике, должен вести юрисконсульт профсоюза; и если он столкнется с нарушением этики, в какой бы момент хода дела столкновение ни произошло, он должен уйти из процесса»: взгляд этот М. Б. мотивирует тем, что «юрисконсульт союза представляет собою союз и точку зрения союза».

Другое мнение было высказано тов. Синайским в «Е. С. Ю.» № 46—1924 г.: профсоюз не может иметь своей точки зрения на дело, ибо таковая точка зрения может

выясниться лишь по окончании судебного следствия, только юрисконсульт союза может иметь на дело свой личный взгляд¹⁾.

И есть мнение, что «в процессе защитник, выделенный профсоюзом, выступает как защитник и только как таковой, переставая быть представителем профсоюза» (Э. С. Ривлин «Советская адвокатура» стр. 99). Представителем же союза, по мнению Э. С. Ривлина, юрисконсульт будет тогда в процессе, когда он выступает по делу, в котором профсоюз является стороной, например, по иску о выселении данного представителя из занимаемого им помещения. Дальше он говорит там же (ст. 100), что «в области трудовых конфликтов лицо, выделяемое профсоюзом, может выступать от имени последнего».

Итак, мы рассмотрели три мнения: 1) юрисконсульт должен в процессе иметь взгляд на дело не как представитель истца, а как представитель союза и должен уйти из процесса, если он столкнется с нарушением союзной этики; 2) союз не может иметь своей точки зрения, а имеет лишь юрисконсульт свой личный взгляд, и 3) юрисконсульт может представлять на суде точку зрения союза на дело лишь по трудовым искам и по делам, где стороной является союз (последнее бесспорно—Б. М.), по всем же остальным делам при выступлении в суде он перестает быть представителем союза (а следовательно, является поверенным истца), поэтому и не может иметь мнение союза по делу.

На наш взгляд, первое мнение больше подходит к истине, хотя оно и не совсем точно высказано автором.

Циркуляр же НКЮ от 10 марта 1923 г. говорит: «представитель же профсоюза выступает в деле с целью выяснения точки зрения профсоюза на данное дело, а не как поверенный защищаемого им лица...». Как видно, циркуляр НКЮ не разрешает полностью поставленный нами вопрос, он только дает общее указание профсоюзу, что посылаемый им в суд представитель должен поддерживать точку зрения союза на дело.

Но какую же должна быть точка зрения профсоюза на дело, что понимает циркуляр под «точкой зрения» союза?

Для того, чтобы юридические консультации были на высоте своего положения и пользовались авторитетом со стороны союзных масс, профсоюз должен посылать юрисконсультов в суд только по тем делам, где притязания члена союза являются добросовестными и основательными. Поэтому прежде чем посылать юрисконсульта в суд, профсоюз должен знать мнение юрисконсульта по делу, т. е. основателен ли иск члена союза, и, заручившись положительным мнением юрисконсульта, должен выдать ему доверенность.

Юрисконсульт, выступая по делу по доверенности профсоюза, должен быть представителем союза, и только им, а не поверенным истца, и должен поддерживать искивые требования лишь в той части, где они законны, а в той части, где иск незаконный, отказаться поддерживать таковой, и, если член союза—истец выразит недоверие юрисконсульту и будет поддерживать свой иск, то юрисконсульт как представитель союза должен уйти из процесса (ибо ему тогда там делать нечего)—это будет правильно юридически и соответствовать союзной этике. Тогда юрисконсульт будет действительным помощником суда (как сторона) в выяснении истины по делу, суд же будет видеть в нем своего помощника в разрешении трудовых гражданских дел.

Сев.-Кавказский край, гор. Сальск.

М. Болдырев.

Нужны ли следовательские функции прокурорского надзора.

В № 27 «Е. С. Ю.» 1927 года помещена статья тов. Саковского «Против следовательских функций прокурорского надзора», затрагивающая по сути дела два основных вопроса, во-первых, о составлении актов обследований и, во-вторых, об объектах обследования.

Не входя в обсуждение последнего вопроса—об объектах обследования, т. к. данный вопрос уже разрешен циркулярным письмом НКЮ № 6 от 5/1—27 г., тем не менее следует заметить, что объектами внимания прокурорского надзора, согласно того же письма, в порядке предупреждения тех или иных уголовных нарушений, при наличии достаточных данных об имеющихся злоупотреблениях, могут быть и комитеты крестьянской взаимопомощи, кооперация и т. д.

Что же касается составления актов обследования того или иного учреждения (а их согласно циркулярного письма № 6 пока только пять: вол (рай) исполком, сельсовет, земкомиссия, милиция и уро), то нужно сказать, что при наличии преподанных на места схем НКЮ по обследованию низового советского аппарата составление их необходимо.

Работа, которую нужно проделать при обследовании пяти объектов, складывается из двух основных моментов: работы по проверке формальной правильности тех или иных актов деятельности органов власти и работы по проверке их закономерности по существу, с точки зрения правильного отражения в них основных целей пролетарской политики в деревне.

Если по последнему моменту составление актов и необходимо, т. к. приносимые протесты будут иметься в камере прокурора и у органа, обследованного прокурором, то в первом случае, протесты могут и не приноситься,

устранение же в дальнейшем отмеченных нарушений должно быть отражено в акте со ссылкой на нарушения соответствующих распоряжений. Стоит только взять вопросы схемы обследований, касающиеся обязательных постановлений, и станет совершенно ясной бесспорность данного вопроса.

Отрешаться от идеи консультации низового советского аппарата в связи с надзором, по моему мнению, в данный момент также еще нельзя.

И вот почему. Взять вопросы правовой грамотности работников ВИК'ов и сельсоветов. Ведь не секрет, что нарушение революционной законности низовым аппаратом в большинстве объясняется правовой неграмотностью его работников. Также не последнюю роль играет здесь и отсутствие регулярного снабжения РИК'ов и сельсоветов необходимыми руководящими материалами законодательного и ведомственного характера, благодаря чему, работникам низового соваппарата приходится вариться в собственном соку, и только та консультация, против которой возражает тов. Саковский, оказывает значительную помощь в их работе. Акт же, правильно составленный и обоснованный на соответствующих данных, является руководящим материалом в их работе, и кроме хорошего от работников низового соваппарата слышать о нем не приходится.

В общем надо сказать, что никакого противопоставления основной задачи, борьбы с преступностью, осуществлению общего надзора нет. Работа по общему надзору не менее важна, чем и остальные виды работ прокуратуры. Основная же задача прокуратуры—всеми мерами способствовать низовому советскому аппарату в укреплении революционной законности в деревне.

Прокурор Белозерского уез. Череповецкого окр.

Ленинградской обл. Г. Юшков.

Страница практика.

Рабселькоры в борьбе за революционную законность.

Наилучшим показателем количественного и качественного роста деятельности рабселькоров служит тот исход рабселькоровских заметок, который они получают в результате производимых расследований. Хотя, надо оговориться, что этот измеритель деятельности рабселькоров не безгрешен: наблюдается еще и до сих пор при расследовании рабселькоровских заметок невнимательное к ним отношение и подчас даже такой взгляд на заметку, как на результат «гонимого» увлечения. И если в результате расследования по таким причинам некоторые корреспонденции остались неподтвержденными, то при более тщательном расследовании число подтвердившихся заметок возрастало бы еще больше. Но других более полных измерителей качества заметок, как результата производимых по ним расследований, при всех недочетах самого расследования нет. А потому наиболее верный анализ результатов рабселькорской деятельности в области борьбы за революционную законность, можно произвести только по результатам их расследования. Здесь мы остановимся на том количественном росте из года в год заметок, по которым реагировала Вятская прокуратура. Если число заметок, обращенных к расследованию, в 1924 г. составляло 195, то в 1925 г. число их достигло 444, в 1926 г. число их возрастает до 1.298 и в 1927 году, за первую половину,—470. Из приведенных цифр видно некоторое снижение количества заметок, по которым реагировала прокуратура в первом полугодии 1927 года по сравнению с 1926 г., если разбить его по полугодиям, то это снижение несколько не говорит об уменьшении активности раб-

селькоров в борьбе со случаями нарушения законодательства: бесхозяйственностью, волокитой, злоупотреблениями и другими случаями. Это произошло по той причине, что часть заметок, особенно касающихся случаев бюрократизма, волокиты и снижения цен, расследовались по линии органов РКИ, при участии комиссии по содействию рабселькорскому движению. Но в общем из года в год наблюдается колоссальное увеличение заметок, обращаемых прокуратурой к расследованию.

И со стороны качества газетные заметки идут в сторону их улучшения. Если подтвердившиеся заметки в 1924 году составляли 53% к числу расследованных заметок, то в 1925 г. процент подтвердившихся заметок достигает 66, в 1926 г.—56% и в первом полугодии 1927 г.—59%. Таким образом, начиная с 1924 г., процент подтвердившихся заметок все возрастает. Выдающимся является лишь 1925 г., в котором процент подтвердившихся заметок достигал 66. На это могло оказать влияние то особое внимание, которое уделялось всей советской общественностью рабселькору и его заметке в связи с усилившимся в этом году преследованием рабселькоров кулацкими и антисоветскими элементами. И цифры подтвердившихся заметок в 1925 году являются показателем того, что при максимальном внимании в процессе расследования часть подтвердившихся рабселькоровских заметок может еще возрасти по сравнению с 1926 и 1927 годами. Наиболее красочным показателем того, в какой мере рабселькоры участвовали и участвуют в борьбе с нарушением революционной законности, составляющим предмет уголовного преступления, или дисциплинарного проступка, служат цифры возбужденных в результате газетных заметок преследований, не считая замечаний и предложений по поводу устранения недочетов, вскры-

тых газетными заметками. Так, в 1926 году было возбуждено 438 уголовных и 24 дисциплинарных преследования и за одну лишь первую половину 1927 года—248 уголовных и 6 дисциплинарных. На ряду с приведенными данными, определяющими качество рабселькорских заметок, необходимо отметить, что организация рабочих и сельских корреспондентов крепнет и в идеологическом отношении. Те случаи использования положений рабселькора с целью сведения личных счетов и мести посредством печати, которые наблюдались в прошлом, становятся за последнее время ничтожными случаями и то, главным образом, со стороны той части случайных корреспондентов, которые еще не имеют практического багажа за плечами, которые еще не вошли в семью рабселькоров и которые еще не проверены и не испытаны редакциями газет. Доказательством тому служит хотя бы то, что из 67 заметок, выявленных расследованием по управлению губпрокуратуры как заведомо ложные, относятся к заметкам, не помещенным в печати, 48 заметок. А по тому методу использования корреспондентов, присылаемых в редакции газет лицами, не зарекомендовавшими еще себя рабселькорами, или случайными лицами, установилась практика, что такие корреспонденты, в большинстве случаев не опубликованные, передаются в органы прокуратуры или РКИ. Таким образом попытка этих случайных и неиспытанных еще корреспондентов использовать печать в личных целях или оклеветать кого-либо в печати протвращаются и не могут получить широкой гласности. Нельзя, конечно, не отметить того, что и среди помещенных в печати корреспонденций есть случаи ложных, тенденциозных. На долю таких заметок расследованием отнесено 19. Число ложных, тенденциозных заметок, как опубликованных, так и неопубликованных в печати, а следовательно как со стороны постоянных, так и случайных корреспондентов, применяя для этого разграничения метод использования корреспондентов редакциями газет, изложенный выше, выдвигает необходимость усиления борьбы с подобными явлениями прежде всего мерами воспитательного порядка. Но на ряду с этими мерами, надо усилить и репрессивную борьбу с теми лицами, которые пытаются или используют уже печать в личных целях, прибегая к написанию заведомо ложных заметок. Для этого необходимо участие освещения на собраниях рабселькоров результатов расследования заметок. Но на ряду с этим, необходимо решительно очищать, обелять рабселькорские организации от случайных, чуждым нам, лицам, стремящихся использовать печать и имя рабселькора в личных целях, выдавая публично в печати имя такого корреспондента, отдавая его проделки на суд общественный, а затем передавая их советскому суду.

Сроки расследования газетных заметок определяют не только то внимание, которое им уделялось соответствующими органами, имеющими непосредственное отношение к расследованию, но срок расследования оказывает некоторое влияние и на настроение, а, следовательно, и на деятельность рабочих и сельских корреспондентов. Ибо если на ту заметку, в которой рабселькор освещает недостатки, болезненные явления городской или деревенской жизни, соответствующие органы не откликаются или откликаются медленно, то понятно, что у рабселькора остывает желание писать впредь. О чем же говорят данные учета быстроты прохождения газетных заметок? Они, отмечая некоторое улучшение в третьем квартале 1927 г., все же фиксируют случаи неудовлетворительного расследования соответствующими органами газетных заметок и направления их к расследованию прокуратурой. Если в период первого полугодия 1927 года заметок в стадии расследования находилось в среднем 143,4 дня, то в период июль—октябрь средний срок расследования сокращен до 21,5 дней. Сокращения и максимальные сроки нахождения заметок в расследовании. Если в период январь—июнь максимальный срок достигал 704 дней, то за период июль—октябрь он сокращен до 66 дней. Таким образом, расследование газетных заметок дает улучшение. Но направление к расследованию и рассмотрение их после расследования прокуратурой в период июль—октябрь дает удлинение сроков. Срок направления заметки к расследованию с момента поступления в прокуратуру, при сокращении максимального срока с 45 дней в период январь—июнь до 24 дней в период июль—октябрь в среднем дает повышение с 3,9 дней до 6,7 дней. Срок рассмотрения материалов после произведенного расследования также дает повышение в период июль—октябрь, максимальный с 15 до 28 дней и средний—с 3,7 до 5,5 дней.

В чем сущность причин, задерживающих расследование заметок? Одной из причин медленности является затяжка ответов на запросы прокуратуры и органов милиции со стороны соответствующих органов, а иногда просто формальное отношение и желание «отписаться», без указания конкретных данных. Есть и такие ответы на запросы, которые просто бюрократичны по своему содержанию: «и признаем факт и не признаем этого факта» потому, что он «расписан» не в таких тонах и красках. Такие ответы, конечно, замедляют окончательное рассмотрение материалов по газетной заметке. Но на ряду с приведенными причинами, надо отметить и случаи просто ничем необъяснимой медленности, кроме как инертностью, а подчас и недооценкой значения рабселькорской заметки. С подобными случаями затяжек и медленности необходимо повести решительную борьбу, возбуждая против виновных дисциплинарное преследование.

Из данных учета заметок видно, что большее число заметок касалось должностных преступлений вообще, в частности, в кооперативных органах. Но малы или незначительны случаи освещения в селькорских заметках таких темных сторон деревенской жизни, как хулиганство, бунтство и случаев закабаления кулаками бедноты и батрачества. Выведение в печати этих сторон деревенской жизни и особенно тех случаев, когда беднота и батрачество закабалется кулачеством, должно стать заботой каждого селькора, как стража, следящего за тем как проводятся в жизнь постановления Партии и законы Советской власти, защищающие батрака, бедняка и середняка в деревне. Селькор в данный момент должен интересоваться тем, получает ли беднота полностью те льготы, которые предоставлены ей Правительством в части освобождения на 35% от уплаты с.-х. налога; не закабалется ли бедняк «услугами» кулака, использующего для этого закабаления свой инвентарь, машины и лошадь по обработке земли бедняка; присматриваться к тому, на каких условиях нанят батрак кулаком; соблюдается ли закон, охраняющий труд батрака, даются ли выходные дни, соблюдается ли часовая день, не мала ли и своевременно ли оплата труда; застрахован ли батрак; присматриваться к тому не арендует ли кулак землю бедняка и середняка на кабальных условиях; следить за тем, чтобы кулак не пользовался правом голоса на сельском сходе и, наконец, не переставать прислушиваться к тому, использует ли беднота фонды по ее кредитованию и не проскальзывает ли к этим фондам и рука кулака или зажиточного.

Все эти моменты деревенской жизни должны быть взяты под обитую рабселькорского ока и освещаться на страницах печати. Все темные стороны деревенской жизни, тормозящие дело социалистического переустройства деревни и дело укрепления союза рабочих, бедноты и батрачества с середняком, должны всемерно выявляться. Органы, производящие расследование по рабселькорским заметкам, должны со всею решительностью бороться с тем, что замедляет темп расследования, и самим надо подтянуться в части окончательного изжития медленности и невнимательности в расследовании рабселькорских заметок, а органам прокуратуры, кроме того, регулярно обобщать данные расследования рабселькорских заметок и выносить их на обсуждение самих рабселькоров.

Прокопеня.

г. Вятка.

«6»

Работа с нарзаседателями нового состава.

Работу с нарзаседателями нового (на 1928 г.) состава Мосгубсуд начал со второй половины октября т. г. Срок небольшой для обобщающих выводов, но вполне достаточный для того, чтобы сделать первые выводы о том, насколько жизненны оказались методы занятий с нарзаседателями, и что пришлось нового ввести в эту работу в дальнейшем.

В основном организационное строение—сосредоточение работы с нарзаседателями на базах (см. «Е. С. Ю.» № 34—1927 г., страница практики), осталось без изменения. Принцип преподавания в форме лекций-бесед был оставлен прошлогодний. Однако, практика показала, что методы занятий прошлого года, несмотря на достигнутые положительные результаты, необходимо видоизменить, ибо механическое принятие к исполнению программ и

работе с парзаседателями и необходимость периодических созывов этих руководителей-лекторов на совещания для методов прошлого года без учета повседневной практики мест и искания лучших путей работы не гарантирует необходимого эффекта в работе. Прежде всего в плане занятий с парзаседателями нового состава пришлось пересмотреть вопрос о количестве тем подлежащих проработке. Если в прошлом году программа занятий с парзаседателями включала в себя 19 тем, и естественно потребовалась довольно длительная пора времени для ее проработки, то в этом году программа была сокращена вдвое (десять). В программе было оставлено самое необходимое с чем нужно ознакомить парзаседателя, как-то УК, ГК, УПК, ГПК, КЗоТ, ЗК и т. д. Все подлежащие проработке темы были конспективно, сжато изложены и изданы отдельной брошюрой, которая являлась удобным правовым пособием для парзаседателей. Эта в своем роде правовая азбука дает возможность любому грамотному парзаседателю получить элементарное знакомство с советским правом. Практика показала, что там, где парзаседатели снабжены этими брошюрами, активность парзаседателей при разборе темы несравненно выше, ибо каждый из них, зная, какая тема будет прорабатываться на очередном занятии, безусловно заглянет в брошюрку и приди на занятие поставит докладчику тот или иной интересующий его вопрос.

На проработку девяти тем, включая десятую вступительную беседу, отведено 26 часов с расчетом два часа на беседу и наиболее сложным темам как УПК, КЗоТ отведено по четыре часа.

Для направляющей и обобщающей опыт мест работы президиум губсуда создал методбюро в составе пяти человек, в которое вошел ряд ответственных работников губсуда.

Прежде всего методбюро задалось целью произвести живое обследование работы с парзаседателями на базах в момент занятий. Произведенные обследования как силами членов методбюро, так и другими судебными работниками по его (бюро) поручению выявили весьма интересную картину. Во-первых, показателна посещаемость парзаседателями баз: там где состав слушателей состоит исключительно или преимущественно из рабочих, посещаемость доходит от 60 до 80%. И наоборот, где состав парзаседателей состоит преимущественно из крестьян или служащих и др. категорий, там посещаемость ниже: в среднем примерно 40—50%. Если более низкий процент посещаемости баз крестьянами-парзаседателями объясняется главным образом географическими причинами (относительно порядочное расстояние от деревни до места занятий центра—базы), то причины меньшей активности в посещениях занятий служащими надо искать, главным образом, в бытовых условиях последних. Другие обнаружившиеся недостатки—это не вполне проверенный состав преподавателей и часто полное незнакомство или же весьма поверхностное знание последними той аудитории, с которой привлеченному в порядке общественной нагрузки судебному работнику приходится вести работу.

Поэтому как успех преподавания в смысле усвоения слушателями, так и процент посещаемости и активности зависит, главным образом, от умения, т. е. качеств преподающего. Приходилось наблюдать разные методы в подходе со стороны преподающих, например, в одном случае преподающий начинает с того, что разбираемую тему, скажем закон о браке, семье и опеке, предлагает самим слушателям рассказать в эпизодах из практики, например, как регистрируется брак, как разводятся, как надо отыскивать через суд алименты и т. д. И понятно, что почти как правило среди слушателей находятся, так сказать, практики, которым приходилось иметь дело с тем или иным эпизодом в жизни. И уже после выявленной активности самой аудитории преподающий, обобщая, исправляя и дополняя высказанное, как бы резюмирует итог беседы. В результате беседа проходит оживленно и не утомляет ни преподающего, ни слушателей. Другой вид—это когда преподаватель читает 40—50 минут на определенную тему лекцию, после чего ему задают вопросы или же, наоборот, он по прослушанному задает аудитории вопросы, проверяя степень усвоенности и потом уже отвечает или обобщает ответы. Помимо этих методов, наблюдаются случаи, когда преподающий после разбора определенной темы в конце беседы задает по прослушанному слушате-

лям задачи и следующую беседу начинает с ответа по заданным задачам.

Практика показала, что наиболее практичным оказался первый метод в комбинации с последним. Однако, это не исключает других методов занятий с парзаседателями в зависимости от преподавательского состава и состава аудитории. К тому же надо учитывать и специфичность темы. Если, скажем, по вопросу о брачно-семейном праве мы можем получить от аудитории эпизоды из жизни, то очевидно совсем или почти совсем не получим этого по теме Уголовного Кодекса, ибо если не считать дел частного обвинения, знакомство с которыми в той или иной мере можно допустить у некоторых из слушателей, то более глубокое знакомство с Угол. Кодексом могло бы быть лишь в случае знакомства в качестве парзаседателя и т. п., которых у нас из прежнего состава переизбрано не более одной пятой.

Созванное методическим бюро в первой половине декабря 1927 г. совещание руководителей и преподавателей по работе с парзаседателями, на коем присутствовало более ста человек ответственных судебных работников и привлеченных к работе членов кол. зап., после основательного обмена мнений пришло к тому выводу, что лекционный метод занятий с парзаседателями непрактичен, каковой совещание решило в занятиях с парзаседателями больше не применять. Совещание признало более практичным метод бесед с тем, чтобы темы бесед должны разбираться ведущими на отдельных существенных вопросах. Сама беседа должна начинаться десятиминутным вступлением преподающего, вводящим в основу разбираемой темы, основные моменты которой обязательно должны быть увязаны с конкретными примерами наиболее доступными пониманию аудитории. Подобный метод, по мнению совещания, позволит вовлечь аудиторию в обсуждение разбираемой темы. Помимо того, признано целесообразным применение и расширение метода задания в ходе занятий, бесед, задач, слушателям с тем, чтобы подготовка задач происходила заранее и задавалась слушателям в простой и образной форме. Живое обследование работы с парзаседателями позволило обнаружить также целый ряд других существенных недостатков в постановке работы с парзаседателями. Например, в одном месте на судья нашел почему-то удобным производить занятия с парзаседателями по воскресеньям с 10 часов утра и оказалось, что в этот день большинство крестьян уезжает в город на базар, так как селение находится недалеко от города. Далее намеченные рамки в виде двух часов для занятий в один день на практике в большинстве случаев нарушались в сторону увеличения, что в конечном счете отразилось на понижении процента посещаемости, ибо путем живого наблюдения было установлено, что даже при удачном ведении беседы желательное внимание слушателей сохраняется не более полутора-двух часов, а потом ряды аудитории быстро начинают редеть, так что затяжка беседы более, чем на полтора, а тем более два часа влетает за собой почти как правило утерю слушателей от 40 до 70 процентов.

Учтя это обстоятельство совещание признало, что продолжительность занятий с парзаседателями, как правило, не должна выходить за пределы 2 часов, считая, что полтора—два часа вполне достаточно для умелой и живой беседы. От неумелой же беседы немудрено лишиться слушателей и гораздо ранее указанного времени, так что превышение двухчасового срока не исключает блестящего одиночества докладчика под конец беседы.

В процессе живого обследования установлено и то, в какой мере имеет значение место занятий. Если, например, занятие ведется в помещении клуба, избы-читальни и т. д. посещаемость несравненно выше, при чем в качестве слушателей бывают и вольнослушатели, иногда в количестве, превышающем прикрепленных к этому пункту парзаседателей. И совершенно другое получается тогда, когда местом занятий по необходимости избрано помещение какого-либо учреждения и т. п. Ясно, что если в первом случае вольнослушателем может оказаться любой рабочий или служащий по инерции или намеренно зашедший в клуб, то в последнем случае на это рассчитывать не приходится.

И, наконец, последнее, что пришлось установить в процессе обследования,—это всю важность серьезного подбора руководителем-лектором состава по правовой

подведения итогов и обмена опытом работы. Ибо в процессе обследования приходилось наблюдать такие картины: ведущему беседу члену коллегии защитников задают вопрос: «Почему ГПУ рассматривает дела совершенно в ином порядке чем суд». И на этот вполне ясный и не раз освещенный в печати вопрос растерявшийся ЧКЗ не нашел, что ответить, создав тем самым ненужное сомнение у слушателей в какой-то секретности, ни для кого не секретных прав нашего ОГПУ расправляться с врагами революции и другими вредителями социалистического строительства более скорым и упрощенным способом. Другой лектор, задавшись целью во что бы то ни стало в течение 40—50 минут осветить всю тему о судостроительстве и не построивши перспективы доклада нагромоздил такое, что при всем желании разобраться в том, в чем же основная разница между дореволюционным и нашим судостроительством было невозможно, ибо он (лектор) безбожно путал и перескакивал с института народных заседателей на мировых судей и т. п. Основное же: почему, например, мы упразднили громоздкую машину суда присяжных старого времени и создали вместо нее подвижную трехчленную, не только вотирующую виновность или невинность обвиняемого, но и активно участвующую в разбирательстве дела судебную машину, или для чего Советской власти понадобилось введение института прокуратуры—докладчик не оттенил ни в малейшей степени. В результате от такого доклада слушатели сидели и скучно зевали, лектор же вроде пономаря барабанил. Поэтому методбюро, учтя эти обстоятельства, приняло, чтобы лекторы вели занятия (главным образом в городе, где по наличию сил это вполне осуществимо) только по тем темам, в которых они являются достаточно компетентными. И самый подбор лекторского состава должен происходить как с учетом квалификации, так и достаточной идеологической выдержанности.

Конечно, предъявленные условия в подборе лекторских сил имеют в виду главным образом самую Москву и в меньшей мере уездные центры. Что же касается сельских мест, то, конечно, эти требования должны рассматриваться как пожелания.

Заканчивая обмен опытом работы, нельзя обойти молчанием существующий параллелизм и распыление в руководстве работой по пропаганде права, ибо формально и по существу мы имеем такое положение, что в период проводимой правовой обработки нового контингента нарзаседателей, которая проходит по программам и планам губсуда, существующие совещания по пропаганде права не могут развернуть работы, ибо для этого нет необходимых сил и иных возможностей. Однако, чтобы оправдать свое существование и не сознаться в необходимости объединения всей работы по пропаганде права в одном месте, стать которым в силу накопленного опыта имеют веские основания губсуды,—эти совещания пытаются все же подавать признак жизни, строить параллельные планы, словом, тоже что-то делать. В результате весьма спорен вопрос о том, чего больше от этого—пользы или же вреда для дела пропаганды права.

Нам кажется, что для пользы дела было бы своевременно поставить вопрос о создании при губсудах объединенных и авторитетных бюро, которые бы объединяли всю работу по пропаганде права, ибо существующее положение, когда работа по пропаганде права, организационно отделяется от работы с нарзаседателями, по существу преследующей одни и те же цели—внедрение законов в массы населения, и когда существуют два руководящих органа по одной и той же работе, при всем желании ни полезным, ни нормальным назвать нельзя, и считаем, что чем скорее будет устранен этот организационный дефект, тем будет лучше. Едва ли может быть спор из-за того, кто будет возглавлять и при ком быть этому бюро. Важна работа, а не принцип, ибо ни в малейшей мере ничей престиж не пострадает от того, что вместо нежизненных совещаний данного времени мы будем иметь одну объединяющую и направляющую организацию, которая будет вести всей работой по пропаганде права в губернии, от чего бесспорно само дело пропаганды права только выиграет.

Член Московского губсуда

С. Болтинов.

Обзор советского законодательства за время 11 по 20 января 1928 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Финансы.

1) Пост. ЦИК и СНК СССР от 10 января о дополнении и изменении пост. ЦИК и СНК СССР от 2 августа 1927 г. о самообложении населения («Изв. ЦИК» от 11 января, № 9) издано в связи с приступом законодательных органов союзных республик к проведению союзного закона от 24 августа («С. З.» 1927 г. № 51, ст. 509) в жизнь. Повторено категорическое воспрещение устанавливать самообложение для покрытия расходов на административные нужды. Кроме того, признано необходимым установить максимальный предел самообложения; в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР по данному предмету этот максимум установлен в 35% общей суммы единого сельхозналога, причитающегося со всех хозяйств данного селения. Впрочем, СНК союзных республик имеет право предоставить губернским и окружным исполкомам разрешение для отдельных волостей и районов повышать предельный размер самообложения.

Административные взыскания.

2) Пост. ЦИК и СНК СССР от 4 января об ограничении наложения штрафов в административном порядке («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13) дает общие директивы всеообщего значения по вопросам наложения административных взысканий. Для наложения штрафа необходимо одно из трех условий: штраф должен быть либо предусмотрен законом, либо установлен инструкциями и обязательными постановлениями ведомств в определенных случаях и пределах, установленных законом, либо проведен обязательными постановлениями местных советов в тех же случаях и пределах. Установлены предельные размеры налагаемых в административном порядке штрафов; для определенных же категорий нарушений закон

может специально установить эти пределы. За нарушение ведомственных инструкций и обязательных постановлений полагается штраф не свыше 100 рублей. Что касается случаев нарушений обязательных постановлений исполкомов и горсоветов, то максимальный предел штрафов установлен в соответствии с законодательством РСФСР по данному вопросу (положения от 28 июня 1926 г. и от 22 декабря 1927 г.). Для взыскания штрафов применяется бесспорный порядок, установленный положением о взимании налогов («С. З.» 1925 г. № 70, ст. 518). Не может быть обращено взыскание штрафа на заработную плату, получаемую рабочими и служащими от нанимателей.

В отношении органов союзных республик постановление вступает в действие в месячный срок со дня опубликования. Предположен ряд изменений и дополнений законодательства союзных республик по вопросу об административных взысканиях. По вопросам, урегулированным постановлениями высших органов, советы и исполкомы не могут издавать обязательные постановления.

Жилищное законодательство.

3) Пост. ЦИК и СНК СССР от 4 декабря о жилищной политике («Изв. ЦИК» от 19 января, № 16) констатирует наряду с некоторым улучшением жилищного положения рабочих тяжелое состояние жилищного дела на всей территории СССР. Признаны необходимыми усиление темпа строительства новых жилищ, максимальное накопление средств внутри самого жилищного хозяйства, в частности за счет квартирной платы, правильная и целесообразная постановка управления и эксплуатации жилищного фонда, укрепление и развитие кооперативного жилищного строительства, возможно большее привлечение частного капитала, упорядочение строительства и его удешевление.

Конкретные директивы, вытекающие из изложенных принципиальных положений, сводятся к следующему. Перспективные планы народного хозяйства должны учитывать необходимость развития строительства рабочих жилищ в первую очередь в городах с усиленным экономическим ростом. Ассигнования на жилищное строительство в местных

бюджетах должны предусматриваться максимальные. Основными застройщиками рабочих жилищ признаются промышленные предприятия, транспорт и местные советы с преимущественным значением последних. Удельный вес жилищно-строительной кооперации и доля ее в государственных кредитах увеличиваются в соответствии с фактическим ростом ее собственных средств. Признано необходимым дальнейшее расширение индивидуального рабочего жилищного строительства в рабочих поселках и промышленных районах, в которых невозможно достаточное развитие крупного государственного и кооперативного жилищного строительства. Законодательство союзных республик определяет лимиты стоимости возведения единицы жилой площади, полагаемые в основу определения размеров кредитования, регулирует вопросы планировки городов в городских поселениях, образование специальных капиталов коммунального благоустройства и т. д.

В отношении сохранения наличного жилищного фонда признано необходимым ввести с 1 апреля 1928 г. новые нормы квартирной платы. Последняя должна учитывать полностью все элементы, характеризующие качество и территориальное расположение жилищ. Размеры скидок с квартирной таксы подлежат пересмотру с таким расчетом, чтобы ставки квартирной платы с лиц, платящих ниже себестоимости жилища (исключая незначительную категорию), были повышены не менее, чем на 10 коп. за 1 кв. метр в месяц. Однако, это предположение поставлено в зависимости от такого увеличения реальной заработной платы, которое превышало бы рост квартирной платы и повышало общий уровень жизни рабочих. С 1 апреля квартирная плата в домах, вновь выстроенных местными советами и предприятиями, устанавливается на одинаковых основаниях с квартирной платой в старых домах, с допущением надбавки не свыше 25%. Постепенно эта надбавка понижается в связи с повышением квартирной платы в старых домах вплоть до полного уравнивания квартирной платы. Процент по ссудам, отпускаемым на рабоче-жилищное строительство, устанавливается не свыше 1% в год. Правительства союзных республик издают постановления об образовании специальных капиталов жилищного фонда, в которые обращаются поступления арендной платы за жилые дома и за помещения не торгового и непромышленного характера от продажи муниципальных строений, отчисления от арендной платы за торгово-промышленные и складочные помещения, а также чистый доход и амортизационные суммы жилых помещений, непосредственно эксплуатируемых местными советами.

В целях упорядочения использования жилищного фонда и в интересах правильного размещения рабочих и служащих должны быть проведены различные мероприятия, к которым относятся эксплуатация муниципального жилищного фонда как непосредственно советами и предприятиями, так и в порядке сдачи в аренду с тем, однако, чтобы в договорах аренды было оговорено право советов и предприятий регулировать заселение домов. Сдача квартир и комнат в домах, находящихся в непосредственной эксплуатации, производится на основе договоров, заключаемых с отдельными семьями и предусматривающих обязанности жильцов по содержанию в исправности жилищ. Предприятие получает право полного освобождения в административном порядке жилых помещений, находящихся на их территории, от лиц, не имеющих связи с предприятием и т. д.

Для привлечения частного капитала в жилищное строительство признано необходимым установление специальных льгот на основе особого постановления. Предстоит издание жилищных кодексов правительствами союзных республик.

Хозяйственное законодательство.

4) Пост. ЦИК и СНК СССР от 28 декабря о приеме в залог по договорам государственных подрядов и поставок сертификатов и вкладных документов государственных трудовых сберегательных касс (Изм. ЦИК от 13 января, № 11) изменяет соответственно ст. ст. 2 и 8 правил о порядке обеспечения залогом исполнения по договорам господрядов и поставок от 11 мая 1927 г. («С. З. СССР» 1927 г. № 28, ст. 292). Вкладные документы гострудебкасс принимаются в залог в полной сумме вклада, а сертификаты по продажной цене на 1 число месяца, предшествующего тому, в течение которого сертификаты вносятся в залог.

5) Пост. СТО от 18 января по докладу НК РКИ об обследовании нового капитального строительства бумажной промышленности (Изм. ЦИК от 20 января, № 17) признает допущение ряда значительных ошибок и просчетов, повлекших за собой замедление постройки и запоздание пуска новых пред-

приятий, резкое вздорожание строительства и увеличение себестоимости продукции новых предприятий, по сравнению с первоначальными предположениями. Отмечена неудовлетворительность организационных форм планирования строительства. В связи с этим сделан ряд организационных выводов в отношении лиц, возглавлявших строительство и направлявших его.

Торговля.

6) Пост. СНК СССР от 6 января о таможенных льготах для Свердловской ярмарки («Изм. ЦИК» от 13 января, № 11) разрешает на время с 15 декабря по 20 марта беспошлинный ввоз в пределы СССР через границы с Западным Китаем, Монголией и Тувинской Республикой кож и шкур невыделанных, направляемых для продажи на Свердловскую ярмарку. Все товары, привезенные через эти границы и не проданные на ярмарке в течение ярмарочного периода, разрешено беспошлинно вывозить обратно через те же границы до 20 мая. Также разрешено возвращать по удостоверению ярмаркома таможенные пошлины, уплаченные за привезенные через эти границы, но непроданные товары.

Труд.

6) Пост. СНК СССР от 17 января о подготовке введения семичасового рабочего дня (Изм. ЦИК от 20 января, № 17) издано в развитие ст. 1 Манифеста от 15 октября («С. З.» № 61, ст. 613). Работа по подготовке проведения семичасового рабочего дня возложена на правительственную комиссию, которая не позже 1 июля представляет в СНК план проведения семичасового дня в тех предприятиях, которые намечены к переводу на него в течение предстоящего хозяйственного года. Вообще перевод промышленных предприятий на семичасовой рабочий день допускается исключительно по плану, утвержденному СНК СССР. До утверждения плана отдельные предприятия вводят семичасовой рабочий день лишь в виде исключения и не иначе, как с разрешения правительственной комиссии.

Оборона СССР.

7) Пост. ЦИК и СНК СССР от 28 декабря об изменении и дополнении закона об обязательной военной службе («Изм. ЦИК» от 15 января, № 13). Категории лиц, состоящих в рядах РККА, значительно дифференцированы, с установлением их точных признаков. Установлен начальный и конечный моменты состояния в рядах РККА для различных категорий. Лица, состоящие в резерве РККА, могут быть в любое время отозваны для продолжения службы в кадровом составе, а также привлечены к учебным сборам, подвижным сборам, полевым поездкам, маневрам и военным играм.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Гражданский Кодекс.

1) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря об изменении и дополнении ст. 6 приложения к ст. 22 ГК РСФСР («Изм. ЦИК» от 14 января, № 12). Разрешение на отчуждение имущества, допускаемого к отчуждению (ст. 4, п. 5 прил.), а также утративших производственное значение сооружений и строений государственных промышленных трестов, выдается в отношении имущества местного совета, включенного в состав уставного капитала промышленного треста местного значения, тем отделом исполкома, в ведении которого находится данный трест. Что касается отчуждения пришедших в ветхость или негодность сооружений, строений и оборудования трестов, то оно производится правлениями последних самостоятельно. В отношении же имущества, включенного в уставный капитал государственных торговых организаций, отчуждение допускается в случаях и на основаниях, предусмотренных положением ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1927 г. («С. З.» № 49, ст. 502).

2) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря о дополнении раздела 2 ГК РСФСР «вещное право» главой III-а «залог товара в обороте и переработке» («Изм. ЦИК» от 17 января, № 14). В состав Гражданского Кодекса включено содержание вновь изданного закона по означенному предмету.

Гражданский Процессуальный Кодекс.

3) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря о дополнении ст. 271 ГПК примечанием 3, и об исключении примечания 2 к ст. 289 того же Кодекса («Изм. ЦИК» от 13 янва-

ря, № 11), нормирует порядок взыскания присужденных судом сумм в возмещение растрченного, похищенного или присвоенного имущества государственных учреждений и предприятий, кооперативных, профессиональных и общественных организаций. Оно производится на основании особого приложения к ст. 271 ГПК. Изъято от обращения к взысканию имущество, особо перечисленное в приложении. Установлен особый минимум предметов, изъятых от взысканий. В общем перечень изъятий соответствует перечню, установленному при взыскании налоговых недоимок (Декрет 10 марта 1927 г. «С. У.» № 27, ст. 182).

4) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря об изменении ст. 15 ГПК РСФСР («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13). Представительство на суде может быть добровольно выбранным стороной, законным—за недееспособных, назначенным в порядке ст. 74 Кодекса законов о браке и представительством в порядке 16 ст. ГК.

Уголовно-Процессуальный Кодекс.

5) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 15 января № 13 об изменении п. 7 ст. 23 УПК РСФСР («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13) относит к числу законных представителей—родителей, усыновителей, опекунов, попечителей и представителей тех учреждений и организаций, на попечении которых находится данное лицо.

Уголовный Кодекс.

6) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР об изменении ст. 25 УК РСФСР («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13) признает в числе мер социальной защиты медико-педагогического характера отдачу несовершеннолетнего на попечение усыновителей, опекунов и родственников, если таковые имеют возможность его содержать, или иных лиц и учреждений.

Земельный Кодекс.

7) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР об изменении ст. 70 Земельного Кодекса РСФСР («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13) устанавливает, что для несовершеннолетних членов двора, не имеющего в своем составе совершеннолетних членов, сельский совет назначает опекуна или попечителя на основании закона об опеке и попечительстве.

Кодекс Законов о Труде.

8) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря об изменении ст.ст. 31 и 189 Кодекса Законов о Труде («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13) также устанавливает право усыновителей, опекунов и попечителей требовать досрочно расторжения договора с несовершеннолетним, если продолжение его угрожает здоровью. В отношении прав на обеспечение в порядке социального страхования приравнены к детям также усыновленные, а к нетрудоспособным родителям—усыновители.

Все перечисленные изменения Кодекса изданы в связи с вновь опубликованным в 1926 г. Кодексом законов о браке, семье и опеке в целях согласования с ним постановлений кодексов, ранее изданных.

Финансы.

9) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря о продлении для города Ленинграда до 1 февраля 1928 г. пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля 1927 г. об отсрочке введения в действие пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 31 мая 1926 г. об освобождении некоторых категорий строений от местного налога со строений («Изв. ЦИК» от 12 января, № 10)—см. «С. У.» 1927 г., № 37, ст. 242.

10) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 6 декабря об освобождении Обществ Друзей Оборона и Авиационно-химического строительства РСФСР и Союза Обществ Друзей Оборона и Авиационно-химического строительства СССР от местных налогов и сборов («Изв. ЦИК» от 14 января, № 12) издано в связи

со слиянием Обществ Авиацион и Друзей Оборона. Постановление введено в действие с момента состоявшегося слияния.

11) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря об изменении п. «в» ст. 108 Положения о местных финансах РСФСР («Изв. ЦИК» от 14 января, № 12) относит на местные средства расходы по организации оборудования и содержания также пунктов по ликвидации неграмотности и малограмотности и среди допризывников вечерних коммунистических вузов, рабочих университетов и домов просвещения.

Жилищное законодательство.

12) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 декабря об изменении пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 23 августа 1926 г. об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках («Изв. ЦИК» от 14 января, № 12) издано в целях приведения последнего постановления в соответствие с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. («С. З.» 1927 г. № 45, ст. 454). Квартирная плата с торговцев и прочих лиц нетрудовых категорий, доход которых не превышает 3.000 рублей в год, устанавливается в зависимости от дохода, в размере не менее 1 руб. 10 коп. (в городах с населением до 40.000) и 17 коп. (другие города) за 1 кв. метр. Ставки квартиплаты с торговцев и других лиц нетрудовых категорий, имеющих большие доходы, устанавливаются в пределах от 1 р. 32 коп. до 2 р. 20 коп. и от 1 р. 98 коп. до 4 р. 40 коп. за 1 кв. метр. К кустарям приравнены лица, торгующие по патентам первого разряда; служители религиозных культов оплачивают помещение по ставкам для лиц нетрудовых категорий. Московскому Совету предоставлено право устанавливать повышенный максимум квартирной платы. Постановление введено в действие с 1 августа 1927 г.

13) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР об условиях и порядке административного выселения граждан из жилых помещений, расположенных на территории государственных предприятий, сооружений и складов («Изв. ЦИК» от 17 января, № 14), издано в развитие пост. ЦИК и СНК СССР от 11 июня 1927 г. по этому вопросу («С. З.» № 33, ст. 344). Выселение трудящихся, принадлежащих к категории перечисленных в ст. 7 Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. («С. У.» № 35, ст. 282) из жилых помещений, расположенных на территории предприятий, сооружений и складов, охраняемых военной или военизированной силой, допускается при условии предоставления выселяемым местным исполкомом годной для жилья свободной площади.

14) Пост. СНК РСФСР от 29 декабря о продлении для Чеченской Авт. Области срока оформления муниципализации строений в сельских местностях («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13). Окончательный срок установлен 1 апреля 1928 г.

Хозяйственное законодательство.

15) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря о передаче Ленинградскому областному исполкому Ленинградского табачного и Ленинградского пенькового трестов («Изв. ЦИК» от 15 января, № 13).

Просвещение.

16) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря о дополнении прим. 1 к ст. 2 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1927 г. о взимании платы в учебных и воспитательных учреждениях («Изв. ЦИК» от 17 января, № 14). К лицам нетрудовых категорий, с которых допускается взимание платы за обучение в сельских местностях, отнесены также служители различных культов и иные лица, лишенные избирательных прав.

Кредит.

17) Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря об изменении устава Сельскохозяйственного банка РСФСР и об увеличении его основного капитала («Изв. ЦИК» от 18 января, № 15).

М. Брагинский.

В институтах и обществах.

В Коммунистической Академии.

Диспут о реформе УПК.

30 ноября 27 г. состоялся доклад тов. Н. В. Крыленко в публичном заседании секции общей теории права и государства на тему «Реформа Уголовно-Процессуального Кодекса». Прения по докладу не были закончены, и заседание было отложено на 13 декабря.

Сущность доклада тов. Крыленко сводилась к подробному изложению и защите своих тезисов, напечатанных в № 47 «Б. С. Ю.» от 5 декабря 1927 года. Тезисы были рассмотрены в Коллегии Наркомюста еще 9 июля 1927 г. и в основном были утверждены, хотя ряд поправок, принятых Коллегией, свидетельствует о том, что как тезисы, так и проект УПК РСФСР с постановленным наказом НКЮ о порядке производства уголовных дел в судебных учреждениях РСФСР представляют собой пока дискуссионный материал, который в окончательном виде может претерпеть весьма и весьма серьезные изменения.

Подсекция угол. права и секция права и гос. Ком. Акад. выступила со своими контр-тезисами, которые поддерживал тов. А. Я. Эстрин. Сущность их заключается в следующем. Единственный пункт, в котором все согласны, заключается в признании, что нынешний УПК является наименее удовлетворительным, наиболее беспорядочным и громоздким из наших кодексов. Секция намеренно ограничивает свою задачу установлением общей теоретической линии.

Социальной функцией всякого уголовного суда является поддержание принудительной классовой дисциплины внутри антагонистских обществ. В осуществлении этой задачи деятельность суда разделяется на две неравные половины: непосредственное подавление («расправа») классового врага и 2) дисциплинарная самоорганизация господствующего класса и пролетарских элементов.

«Гарантии» в судах буржуазных стран возникли в процессе победы буржуазии и потребностей свободного товарооборота, но получили новое назначение по мере роста классовой борьбы против пролетариата, в которой на первый план выдвигалась состязательная форма, как лицемерное прикрытие классовой юстиции, совершенно игнорирующая все культурные завоевания, скрывающиеся за этими формами. Такие начала, как неприкосновенность личности, непосредственность, гласность и устность в процессе и право на защиту являются по существу завоеваниями демократии и культурными завоеваниями, которые мы должны признать в числе других культурных завоеваний и в классовой государственности пролетариата, т.-е. в пролетарской демократии, как демократии высшего порядка, конечно, отбрасывая все, что в нем лишнего, вредного и противоречащего интересам трудящихся.

Обращаясь к характеристике розыскного и состязательного процессов, контр-тезисы формулируют общую социологическую характеристику двух процессов, взятых в «чистом виде, так: розыскной суд—это односторонняя деятельность власти, не связанной никакими юридическими нормами, не знающей правовых субъектов, но только вещественные доказательства (обвиняемый, свидетели и т. д.), к рассмотрению которых судья обращается по мере надобности и по своему усмотрению; состязательный суд—это юридическое отношение, т.-е. изображение действий классовой насилья в образе частно-хозяйственных отношений. Не надо ни на минуту забывать, что громадное большинство правил судопроизводства улучшает технику суда, т.-е. помогает вскрытию фактической стороны дела и определению социальной опасности исследуемого деяния и совершившего его лица. Но мы воспринимаем и эти правила не как абсолютный принцип права, а как целесообразную только в определенных условиях и границах форму деятельности суда. Стремление сократить и упростить наш процесс ценой устранения из него основ состязательности надо признать в корне ложным. Сокращение сферы состязательности в нашем процессе, которое упростило бы его, не должно нарушать необходимого ему демократического характера. Наше основное отличие от стран буржуазной юстиции—91% наших подсудимых не являются нашими классовыми врагами—объясняет, почему мы очень часто не можем отказывать обвиняемым в возможности защиты. Процесс нарсудов, как правило, процесс губсудов в значительной части должна строиться на основе состязательности. Сфера применения сокращается при переходе к особо опасным преступлениям и преступникам, пока—в области контр-революционных заговоров, которые часто не могут и не

должны конструироваться юридически—суд вообще не вытесняется внесудебными органами.

По другому вопросу—о полном подчинении следственного аппарата прокурорскому надзору—контр-тезисы высказываются положительно, но по совершенно другим мотивам. Превращение всего аппарата предварительного расследования в орган прокуратуры, при естественной для последней обвинительной установке, предполагает усиление, а не умаление возможностей для подсудимого защищаться. Во всяком случае предварительное расследование, наиболее легко подверженное устранению состязательности, может только выиграть, если фикцию «следственного судьи» заменит агент прокурора, а не агент суда (который тем самым превратится в обвинителя).

Принимая во внимание чрезмерное число предаваемых суду, необходимо повысить значение стадии предания суду, придав ей решающее значение гарантии против необоснованного привлечения к суду.

Необходимо сохранить принцип непосредственности, гласности и участия в части судебного следствия, но с учетом и установлением тех случаев, когда строгое проведение этих принципов превращает их в помеху успешному разрешению дела. Признание за обвиняемым прав стороны на суде также необходимо, хотя бы уже потому, что обвиняемый—трудящийся—должен иметь возможность защищаться от возможных бюрократических ошибок. Но даже в отношении наших классовых врагов вовсе не обязательно, чтобы всякий такой процесс строился, как исключительный процесс. Вполне резонно нашим губсудам предоставлено лишь право, а не обязанность в допущении тех или иных отступлений от общих норм уголовного процесса. Необходимо помнить, что в настоящее время мы и в процессах против классовых врагов ставили себе не только задачу расправы, но и задачу выявления дефектов нашего аппарата, облегчивших рассматриваемое преступление, и задачу мобилизации внимания масс.

Вместо ликвидации защитников, предполагаемой всей установкой тезисов тов. Крыленко, но нецелесообразной по общеполитическим соображениям, необходима реорганизация этих защитников. Лишение права на защиту нетрудовых элементов—«левый уклон». Достаточно предоставить нарсуду право при ясности для него дела слушать таковое без обвинения и защиты. Для сокращения преений достаточно усилить власть судьи до права устанавливать регламент.

Контр-тезисы высказываются также за право обжалования по всякому поводу, но признают необходимым еще более расширить право кассационной инстанции смягчить наказание или освободить от него, поскольку кассационному суду ближе доступно знание карательной политики центра. Контр-тезисы возражают против заимки кодекса основными началами плюс циркуляры и инструкции, издаваемые по мере надобности и не имеющие силы закона; вызванная желанием упростить процесс, эта замена приведет только к еще большему хаосу и, значит, громоздкости.

Рассмотрение нарсудами с участием народных заседателей лишь особо сложных дел противоречит необходимости, чтобы суд был «школой государственного управления» и безусловно сокращает демократизм нашего суда.

Тов. П. И. Стучка выступил также в защиту контр-тезисов, при чем отделил и свои расхождения как с тезисами т. Крыленко, так и с контр-тезисами секции. Тов. Стучка привел интересную историческую справку о том, что в проекте устава уголовн. судопроизводства, который был составлен в период Штейнберга в 1918 году, «защита там была вставлена не кем иным, как тов. Лениным, потому что он считал, что мы еще не дошли до того момента, когда можно отказаться от суда». Основные правила не должны быть чересчур краткими, так как неудачная формулировка одной статьи требует 10 циркуляров, а судебному работнику 10 циркуляров читать труднее, чем одну статью.

В первоначальных тезисах тов. Крыленко было указано, что местные суды ужасно загромажены всякими формальностями права, гарантиями личности и т. д. Да, мы должны бороться с этими формальностями, но мы должны помнить, что Владимир Ильич в последние годы своей жизни неустанно повторял слово «культура». Он требовал культуры во всех областях нашей жизни, и об этом нельзя забывать при выработке нового УПК. Нужно бороться за удобочитаемость наших декретов, чтобы они были доступны каждому трудящемуся, и в этом состоит культурное значение декрета.

Тов. Стучка предлагает подчинить следственные органы исключительно суду, а не прокурору, как это предлагают

тезисы тов. Крыленко, и против чего не возражают контртезисы секции. До сих пор следствие на девять десятых подчинено руководству прокурорского надзора и имеет возможность целиком влиять на следствие; оно целиком подчинено прокурору, кроме только вопроса о назначении следователей, но это вопрос второстепенный. Следствие естественно превратилось в подсобный орган прокуратуры, как орган обвинения. В результате получилось громадное количество прекращенных до суда (в стадии предания суду) до 40% дел и очень высокий процент оправдательных приговоров (включая часть условно-осужденных) и высокий процент отмены приговоров вследствие недоследованности. Если этот недостаток хотят излечить полным (и административно-организационным) подчинением следственного аппарата прокурору, то это явно несбыточная надежда, ибо эта мера лишь усилит односторонний обвинительный характер предварительного следствия. Одновременно оно приведет к тому, что на суде, в интересах проверки этого обвинительного материала, придется расширить состязательность и устность процесса вместо предполагавшегося его сокращения.

Предполагаемое полное подчинение следствия (и технически и административно-органически) прокуратуре существует в этом отношении целиком порядок российского дореволюционного следствия, который в свою очередь был также воспринят из Франции. Тогда против него были общие вопли всех и тогдашних классовых друзей этого суда, и был даже разработан проект о том, чтобы подчинить следователя суду, но он только не вошел в законную силу. Во всем же мире существует не этот порядок. Если же, напротив, подчинить все обвинителю — прокуратуре, тогда ясно, что никакими правдами нельзя оправдать отказ в передопросе свидетелей, которые были допрошены только обвинителем. Ведь обвинитель остается обвинителем. Это видно из того, что даже теперь, когда следствие не подчинено полностью прокуратуре, 40—50% дел прекращалось в первичной стадии, а значительная другая часть дел — путем оправдания и условного осуждения.

Предварительное следствие надо подчинить суду в том смысле, чтобы сблизить предварительное и судебное следствие. Нарсудья либо сам производит следствие, либо поручает все следствие или отдельные его действия подчиненному ему следственному аппарату (суд, милиция или следователю), а в губсуде судебные следователи (не исключая и суд, милиция) должны работать под прямым наблюдением суда, в частности, определенного члена суда (докладчика), который докладывает дело в распорядительном заседании и по общему правилу председательствует в судебном заседании. Надо отбросить ни на чем не основанное предубеждение, что член нашего классового суда или нар. судья, собиравший следственный материал или наблюдавший за следствием, якобы, не может быть судьей по этому делу.

Этот порядок обеспечит от лишних возбуждений дел, даст возможность проверять на суде лишь важнейший материал и тесно свяжет технику предварительного следствия с техникой судебной.

Роль прокуратуры, таким образом, сосредоточится на защите государственных интересов и на наблюдении за законностью, при чем прокурор при отсутствии иного обвинителя (напр., общественного) вправе по любому уголовному делу взять на себя формулировку обвинительного акта для предъявления в суд в письменной форме. Но дело на суде будет докладываться обязательно судьей (членом суда). «Прокурор никакой административной власти не имеет... Единственное право и обязанность прокурора — передать дело на решение суда» (Ленин).

Тов. Стучка высказывается также за единый процессуальный порядок для губсудов и нарсудов. Нет основания внести больше формального элемента в губсуд, по составу более квалифицированный, или совершенно освободить от всяких форм нарсуд, как еще менее квалифицированный, ибо одно отсутствие писаной минимальной формы не гарантирует еще никакой гибкости, а чрезмерно широкое усмотрение приводит к произволу.

Верхсуд и губсуд не должны быть ограничены в правах, и за их председателями должно сохраниться право надзора (истребование дел и самонадзора).

Наконец, признавая совершенно правильным деление законов на принудительные правила и на указания технических приемов следствия и суда, надо признать необходимым создание устои и вых правил судопроизводства в виде закона, а не правил, меняемых по усмотрению НКЮ, тем более, что свобода изменения этих правил НКЮ в глазах широких масс, при нынешнем единстве в лице НКЮ и Прокурора Республики,

вызвало бы представление о полном подчинении суда обвинению, одновременно дискредитируя прокуратуру, как орган, наблюдающий за законностью. Простая же техника суда (порядок посылок повесток, регламент заседания и т. д.), как производственные правила, может быть лучше всего, на основании опыта, выработана самим судом, даже край или главсудом с ведома и согласия центрального суда, а Верхсудом с согласия НКЮ или НКЮ через Верховный Суд, как это принято в предполагаемой формуле разрешения функций НКЮ и Верхсуда.

Тов. Климов отмечает противоречия между тезисами т. Крыленко и недавними его выступлениями. Так, в тезисах говорится о том, что наш УПК — сколок буржуазного права, что он развратил нашего судью, что судьи превратились в поклонников буквы, что, следовательно, нужно этот УПК упразднить, отменить. Между тем, совсем недавно тов. Крыленко, в 1924 г. говорил: «Форма, норма, процессуальная сторона — вот что отличает суд. Вот почему лично я одно из величайших завоеваний нашей революции вижу в том, что существует у нас процессуальный кодекс».

Организация судебной милиции, в сущности, составляет перевод этой самой милиции — уголовного розыска — из ведения НКВД в ведение НКЮ, но это не есть теоретическая установка вопроса о судебной милиции. Тов. Климов усматривает ведомственность в стремлении НКЮ присвоить себе законодательные функции, оставив наказ, который НКЮ мог бы менять без ВЦИК; на практике же получится 46 основных статей и плюс к этому сотни циркуляров НКЮ, которые явятся обязательными для судов.

Тов. Ундревич приветствует установку т. Крыленко на наибольшую четкость в разрешении подсудности нарсудов и губсудов.

Основной дефект тезисов т. Крыленко заключается в том, что они исходят из практики губернского суда, а это является искажением перспективы и недооценкой момента непосредственности в нарсуде. Лишь 8% дел слушается в губсуде, а 92% — в нарсудах.

Предлагается народному суду право невызова в суд тех свидетелей, показания которых представляются суду достоверными, но при чем тут народные заседатели? Народному судье могут показаться свидетельские показания достоверными, а народным заседателям — сомнительными.

Необходимо также учесть, что вообще изложение чужих слов и чужих мыслей не всегда соответствует тому, что думает сам человек, а практически мы имеем то положение, что наш следственный аппарат никуда не годится, органы дознания тоже.

Ревизионный осмотр не в состоянии гарантировать от органических недостатков. Уже один факт, как отмена 35% приговоров из-за недостатков следствия, свидетельствует о том, что и ныне имеет место недостаточная проверка материала на судебном следствии.

Все возражения против защиты, в сущности, выдвигают вопрос о том, чтобы иметь хорошую защиту без недостатков нынешней защиты, но это вопрос не процессуального права.

Допущение защиты по ходатайству профсоюз оставляет без защиты крестьянство в целом и наименее сознательную часть пролетариата, которая не входит в профсоюз. Кроме того, создается новая инстанция обращения в профсоюз, который должен разбираться, нужно ли или не нужно профсоюзной организации вмешиваться в дело в качестве защиты.

Работники Верхсуда ставят вопрос о том, что функции защиты и обвинения могут быть осуществлены в лице суда. Но это составляет такую же абстракцию, такую же фикцию, какой фикцией является буржуазное утверждение, что суд является беспристрастным. Перенесение на суд функций и обвинения и защиты является утопией, и говорить об объективности такого суда чрезвычайно трудно.

Защита должна быть допущена по делам сложным, по делам, по которым подсудимому грозит мера социальной защиты не менее одного года. Нарсуду, как ныне губсуду, должно быть предоставлено право отказа от прений, если суд признает дело ясным.

Нельзя также согласиться с предложением об устранении мотивировки приговоров. Это — уклон к присяжным заседателям: мы должны иметь фактическую возможность проверить.

Тов. Солыц находит, что много внимания уделено защите, но было бы правильно, если бы много места вместо защиты уделили прокурору. Если защиту заменить прокурором, то это, конечно, вызовет протесты со стороны обвиняемых — и вполне правильные протесты. Прокурор — плохая замена защиты.

Теперь все работники в суде и все население очень заинтересовались положением в суде. И Советская власть, и Нар-

тия отмечают неблагополучие в суде потому именно, что перед ними раскрылось, что слишком много привлекают людей, что слишком много возятся с судом, привлекают людей по пустякам и очень часто осуждают по пустякам.

Между тем программа Партии больше всего напирала на то, чтобы переходить к таким мерам, которые должны обращать внимание на изживание преступлений.

Беза происходить потому, что наш суд и наша карательная политика, привлечение и т. д. носят сугубо прокурорский характер. В буржуазных государствах это естественно—там незначительное меньшинство населения держит в руках власть для охраны собственности. При таком положении всякое преступное нарушение частно-правовых отношений со стороны довольно значительных масс преследуется властью в лице прокуратуры. Население в борьбе с ним ищет себе защитника, требует себе защитника. Меньшинство населения, которое представляет собой власть, хочет, конечно, представить дело так, что оно, мол, в это не вмешивается, хочет изобразить, показать, что суд независим. Это было то либеральное требование, которое выставлялось раньше в борьбе с абсолютной властью, и на этом настаивали—на независимости суда, так как она, якобы, давала охрану населению. Для защиты интересов населения имелся защитник, являвшийся как бы выразителем общественности и противопоставлявшийся тому абсолютному строю, который был раньше. А когда буржуазия, великолепно устроившись, свела власть на абсолютную власть со своей стороны, то ей было удобно сохранить этот самый порядок, создавая иллюзию независимости, иллюзию защиты обвиняемого.

У нас же преступления против Советской власти, против нашего порядка не выражают собой интересов враждебного нам класса. И нет необходимости сохранить тот порядок, когда деятельность прокуратуры заключалась именно в том, что она представляла государственную власть, обвиняющую за те или иные проступки отдельных лиц, а защитник защищал население от наскоков власти. Если посмотреть на основной документ, в котором Владимир Ильич интересовался прокуратурой, то увидим, что он тоже указывал на то, что основная задача прокурора заключается в том, чтобы защищать население от злоупотреблений власти, представителей власти. Потому он так рьяно этот вопрос защищал, он не говорил о независимости суда, а больше всего о независимости прокурора, чтобы прокурор был независим от местной власти.

Если бы прокурор действительно сосредоточил свою работу на борьбе со злоупотреблениями властью, то тогда у нас все дела и весь суд и все то, что происходит у нас в этой области, не носило бы того прокурорского уклона, который все это сейчас имеет.

Нужно освободить прокурора от этого, надо, чтобы прокурор гораздо меньше принимал участия в процессе, чем теперь. Надо, чтобы суд фактически решал вопрос о том, надо ли судить и есть ли за что судить. У тов. Крыленко, наоборот, надо распорядительное заседание уничтожить, прокурор должен быть хозяином процесса, а если он хозяин процесса, то этот процесс будет носить сугубо прокурорский характер. Естественно, что таким образом мы не избавимся от того уклона, который имеется теперь, когда прокурор главным образом следит за тем, чтобы лица, совершившие преступления или проступки, получили бы сугубое наказание.

И в области защиты должно быть такое же отношение. какое в суде имеется к прокурору, а в самом процессе судья должен защищать интересы населения. Когда он разбирает дело, ему не нужно ни обвинителя, ни защитника.

Защита сейчас, в большинстве своем, когда она носит характер частной защиты, является колоссальным бременем для населения, потому что население, по старому, считает, что ни у прокурора, ни в суде оно защиты не найдет, поэтому оно может найти только у нанятого им защитника. От этого предрассудка можно отучить население только таким путем, когда его будет защищать сам суд. Не будет ли прокурор таким защитником? Но есть ли такие идеальные прокуроры, которые защищают? Но тогда пусть бы они лучше прекратили дело до суда. А если 40% дел прекращается, то для упражнения в добродетелях не стоит раньше довести дело до суда, а потом защищать.

Будет убедительнее для суда, если он значительную часть своего времени потратит на непосредственное ознакомление с делом вместо того, чтобы слушать обе стороны, против которых, он, естественно, предубежден, так как он думает, что защитник защищает потому, что такова его обязанность.

Равным образом, при всем доверии суда к представителю обвинения, у суда есть определенное предубеждение—это

выступает прокурор, выступает обвинитель, это выступает человек, который меня не ознакомляет с делом, а выступает передо мной с определенной целью обвинить данного человека. Судья, особенно рабочий судья, не изощренный по существу, должен выслушать защитника, прокурора и вынести приговор, а для этого ему нужно как будто бы дать отпор и тому и другому. Зачем это нужно? Почему мы всякого рода другие дела решаем без состязательного процесса, не обязательно же мы выдумываем человека, который должен обязательно данное положение защитить, а другой должен обвинить, выступив против него, и тогда легче разобраться. Защита по-старому только поддерживает старую линию и является колоссальным налогом на население и при этом на довольно бедное население. Можно привести случаи, когда крестьяне по всяким делам—по делам алиментным, земельным и т. п.—прямо все до нитки продают и идут к защитнику. Они идут не к прокурору, не к судье, не в бюро жалоб. Они считают, что самым лучшим для них будет защитник—он уже, так сказать, все, мол, дело знает, все за меня сделает, а я, ведь, безграмотный; я не знаю к кому обратиться; к прокурору или в суд нельзя—это власть, уж я лучше к защитнику обращусь, он мне поможет.

Предубеждение же в массах мы можем уничтожить только таким путем, когда скажем каждому трудящемуся: «тебе никакая защита в данном случае не нужна». Отдельная же юридическая защита, не в смысле состязательном, должна ему быть обеспечена государством; должны быть консультанты, к которым он обращается и которые ему дают советы в этой области, но ни в коем случае не должна иметь места та защита, которую мы имеем в настоящее время.

Тов. Бранденбургский возражает тов. Сольцу по вопросу о том, действительно ли НКЮ не выполняет партийной программы в области карательной политики. Он напоминает, что совсем недавно в заседании сессии ВЦИК не кто иной, как т. Сольц выступил с предложением об изменении условия осуждения, и только после указания его, т. Бранденбургского, что условно осуждение является одним из завоеваний революции, т. Сольц отказался от своего предложения. Неправильно также утверждение т. Сольца о том, что прокуратура недостаточно защищает население от незаконных действий должностных лиц.

Нельзя согласиться с тов. Сольцем в том, чтобы суд обходился сам без помощи прокуратуры и защиты в нынешнее время. Не может быть обвинительной тенденции у прокурора, и плох тот прокурор, который такую тенденцию проявляет. Однако, эти 95% рабочих, даже наших городских рабочих, а, в особенности, крестьян, не смотрят таким образом, что прокурор в процессе будет их не только обвинять, но и защищать.

Если профсоюзы будут посылать своего представителя в суд, то неорганизованная большая часть населения, крестьянство, жены городских рабочих, не входящие в профсоюзы, будут лишены защиты, так как у населения еще нет того отношения к прокурору, которое позволило бы подобную реформу проводить. Так насильзовать факты нельзя, и потому нужно осторожнее подходить к вопросу относительно защиты.

Следовало бы случаи допущения защиты в губсуде дополнить указанием, что допущение защиты обязательно по более важным и крупным преступлениям, которым соответствует наиболее серьезная мера социальной защиты.

Нужно согласиться с тезисами Комакадемии, что пора вплотную подойти к реорганизации нашей системы защиты.

Необходимо также сохранить распорядительные заседания по вопросу о предании суду, хотя бы нынешние распорядительные заседания и нуждались в сильной реорганизации.

Тов. Челышев обращает внимание на крайнее усложнение нашего процесса за последние четыре года. Для обвиняемых процесс непонятен, они ничего в нашем процессе не понимают. Не понимает много и более квалифицированная публика.

Главное, переработать Кодекс нужно так, чтобы он стал понятен для трудящегося населения, которое, как все говорят, проходит перед судом в количестве 95%.

Защита была создана для трудящихся, малограмотных масс, которые сами не могут разобраться в сложности процесса. На деле получилось так, что в деревне защитников нет, и никто из защитников туда не пойдет. И еще, может быть, пятнадцать лет пройдет в таком положении.

Тезисы секции видят в сохранении защиты внешнюю форму демократии. Это неверно. Демократию мы специально придумываем именно для тех элементов трудящихся, проходящих

щих через наши суды.—для них мы демократию открываем. В этом отношении мы должны помочь им разобраться в деле, в том обвинении, которое им предъявлено. И это обязан сделать сам суд. Почему защитник должен защищать во что бы то ни стало и почему прокурор должен обвинить во что бы то ни стало?

Тов. Крыленко ставит здесь вопрос о роли прокурора в суде, главным образом, в процессе. Он ставит вопрос таким порядком, что роль прокурора—вести все дело, а суд должен только смотреть ему в глаза, и когда прокурор скажет ему, должен остеречь подсудимого под первый номер. Так на суд смотреть нельзя. Зачем же тогда суд?

Роль прокурора не есть роль повседневной няньки суда: суду не нужна такая нянька.

Тов. Солыц сомневается в том, можно ли найти докладчика, и он в отчаянии. Не только судья, но и заместитель его может с успехом доложить дело.

Распорядительных заседаний по вопросу о предании суду не следует упразднить. Если следственный материал прямо попадет в судебное заседание, то часто придется напрасно вызывать свидетелей и обвиняемого, так как из-за дефектов следствия придется откладывать дела.

Тов. Булатов находит, что основной политический вопрос реформы лежит в сфере народных судов. Губсуд рассматривает не более 8% дел, а когда компетенция народного суда будет еще расширена, то в губсуде останется 2—3%—не больше.

Тов. Прушницкий доказывает, что в переходную эпоху нужно строить процесс, который был бы не состязательным, не розыскным. Это—не микстум-композиум (смесь), как называет такой процесс тов. Крыленко, который, однако, отказывался от состязательности, все же находится в плену идеи состязательности процесса.

Какова роль прокурора в процессе? Тов. Эстрин говорит, что если есть одна сторона в процессе, то не может вещь иметь только одну сторону, т. е. следовательно, прокурор составляет другую сторону в процессе. Но не прокурор является стороной в процессе, а государство.

В конце-концов состязательность процесса сводится к учению о разделении властей на исполнительную, законодательную и судебную власть.

При состязательном процессе следственный аппарат должен быть в распоряжении прокурора, который должен прийти в суд и доказать обвинение. Пока исполнительная власть не доказала, что такой-то нарушил закон, суд не может признать за государством права на его наказание. А если отказаться от состязательного начала в процессе, то тогда можно этот аппарат во всех стадиях передать суду.

Защитник в процессе—не помощник судьи и не представитель стороны, а консультант обвиняемого. Роль защитника вовсе не помогать суду, а его роль помогать обвиняемому. Он не является представителем обвиняемого, как говорится в тезисах НКЮ. Он не представитель потому, что он не устраняет обвиняемого из процесса, не заменяет его, потому что с вопросом о том, признает ли себя виновным, суд обращается к обвиняемому, а не к защитнику, а последнее слово принадлежит также обвиняемому.

Стало быть, если защитник—консультант, то надо ставить вопрос о недопущении защиты не в зависимости от категории дел, а в тех случаях, когда председатель найдет по данному конкретному делу, в зависимости от материала и от личности обвиняемого, что ему не нужна защита.

Коллегия защитников должна быть коренным образом преобразована. Нет никаких оснований для существования автономной организации.

Тов. Шумятский находит, что прокуратура должна бороться не только с злоупотреблениями со стороны органов власти, но и преступностью вообще, так как преступность является в значительной мере протестом против диктатуры пролетариата. Недовольство диктатурой проявляется везде и всюду, начиная от того явления, которое выражается в убийстве селькора, в деревне и кончая очень часто хулиганской выходкой в жилищоваршестве; во всем этом проявляется недовольство нашей властью со стороны классов—чуждых нам элементов.

Аппарат у прокурора должен быть быстрый: следовательно—хороший орган дознания, быстрый, подвижной. Несомненно, что передача следственного аппарата в руки прокуратуры составит крупнейшее достижение в постановке всего судебного дела.

Распорядительные заседания о предании суду нужно упразднить. Прокурор по окончании следствия прочитал от

доски до доски дело и направил в суд. Два раза в неделю в распорядительном заседании член суда докладывает, но он не читал десятитомные, пятитомные дела, так как ему сейчас не надо судить, а нужно только формально утвердить обвинительное заключение.—формально, потому что члены суда доверяют прокурорскому надзору.

Таким образом, получается излишний демократизм и никаких гарантий для качества работы; ничтожность распорядительных заседаний на 100% точно установлена.

Нынешняя защита не годится. Нужно создать организацию, которая давала бы возможность каждому крестьянину, каждому рабочему воспользоваться законодательством в защиту своих интересов, своих прав. А надо сказать, что наше законодательство значительно осложнилось, и надо сказать, что и мы—прокуроры—в этом законодательстве очень часто путаемся.

Нельзя создавать примирительные суды, так как это означает отказ государства от разбора споров между гражданами.

Тов. Эстрин отмечает, что до сих пор по инерции считали, что всякое преступление составляет общественно-опасное действие, но не должно быть общественно-опасным мелочи, а действия, которые рассматривает суд, должны быть общественно-опасными. Поэтому надо принять предложение о передаче ряда дел товарищеским судам.

Нет надежды упростить изложение законов, чтобы они составляли книгу для легкого чтения, по которой можно учиться первоначальному чтению. Как ни стремиться сделать Кодекс более легким, нужно помнить, что это все-таки будет УПК, в котором непосвященный разобраться не сможет. Дело не в количестве статей; иногда большее количество статей яснее, чем меньшее количество статей.

Тов. Солыц неправильно расшифровал слова Владимира Ильича о прокуратуре. Мысль Владимира Ильича не заключалась в том, что прокурор должен возбудить дело, а потом отойти в сторонку. Наоборот, мысль Владимира Ильича была такова всегда, что если ты даже не прокурор, а просто гражданин, но видишь нарушение советской законности, то ты должен идти во все инстанции и добиться рассмотрения дела. Очень часто Владимир Ильич спрашивал: «А вы довели дело до конца или нет?». Что касается прокурора, то прокурор должен довести дело до конца.

Недостаточно иметь только докладчика. Суд решает спорные дела; сплошь и рядом суду неясно, на какой стороне правда. Докладчик будет фактически излагать определенную точку зрения. Кроме того, по более или менее серьезным делам имеет значение мобилизация общественного мнения. Если же докладчик произнесет обвинительную речь, адресованную к массам, он будет не докладчик, а обвинитель.

Нам говорят, что суд сам должен и обвинять и защищать. Если суд должен и обвинять и защищать, то я ставлю себя в положение подсудимого, который спросит: «Суд меня будет и обвинять и защищать,—чем же он, в конце-концов, будет заниматься,—обвинять или защищать? И подсудимый вам скажет: «Разрешите лучше мне самому себя защищать так, как я умею.—пусть меня прокурор не защищает, избави бог меня от такого защитника. Суд меня, в конце-концов, посадит, если я буду виноват».

Конечно, право защиты должно быть поставлено под контроль, и суд в целом ряде случаев имеет право не допускать защиты, и суд может не допустить прений сторон, если считает, что дело ясно.

В отношении защиты мы не предлагаем сохранить старую защиту. Лично моя точка зрения такова, что в данный момент еще не назрело время для ликвидации коллегии защитников, но мы должны уже сейчас подготовить новую организацию, которая в ближайшем будущем позволит нам распустить коллегию защитников. Пока же было бы неосторожно ликвидировать ее. Поскольку мы признаем, что у нас существует процесс со сторонами, то это и есть состязательный процесс. Не в том состоит состязательность процесса, что есть обвинитель и защитник, а в том, что есть стороны и что сторона имеет право на защиту. Но вовсе не обязательно, что там, где есть обвинитель, должен быть обязательно и защитник.

Следствие правильно подчинить прокурору. Тов. Стука не прав, ведь 40% прекращения дел это дела, которые направляются на прекращение в значительной степени самими следователями. без всякого протеста со стороны прокурора. Тут нет вины прокурора.

Неправильна ссылка тов. Стучки, на то, что в западноевропейском процессе принципиально решено перейти к передаче предварительного следствия в ведение суда. На самом деле, там роль прокурора усиливается.

Тов. Крыленко в заключительном слове отмечает, что сущность состязательного процесса заключается не в том, что будет прокурор или защитник, которые препираются между собой в прениях. Обвиняемый выступает, как сторона в процессе, и заявляет, что доказать должен ты, доказать должно государство, обвинительная власть, что я что-то такое совершил. Поскольку техника судебного разбирательства, что наилучшим средством для установления материальной истины, независимо от общеполитического значения, являются элементы непосредственности процесса, устности процесса, гласности и предоставления обвиняемому определенных прав стороны, постольку в этом заключается сущность состязательности. Поэтому тезис о состязательности нужно понимать как определенное культурное достижение. Не прав тов. Эстрин, когда он говорит о праве на защиту, ибо он право на защиту понимает не только, как право обвиняемого иметь права стороны, а как право иметь защитника, как определенное физическое лицо, специального юридического консультанта, которого он берет из данной категории защитников. В этом мы с ним расходимся. Такое право на защиту, как право иметь своего специального представителя, который заменяет самого обвиняемого, который принадлежит ему, беспрерывно и непрерываемо, это право не есть то культурное достижение, которое мы должны в данном случае обязательно сохранить. Центр тяжести должен быть перенесен на решение и рассмотрение суда, который состоит из рабочих и крестьян и который, имея в виду не только юридические задачи, а общие цели коллектива и государства, рабочего класса в целом, вправе принести в жертву эти интересы отдельного лица и сказать: «Я должен в определенных условиях в этом праве отказать, не затрачивая основных правил гласности, устности—тех правил, которые отличают наш суд именно от старого судебного порядка».

В отношении принципов состязательности, устности, гласности и т. д. мы не гарантируем их обвиняемому при всяких условиях. Наоборот, у нас должен быть не один, а два процесса, резко различающихся между собой—процесс народного суда и процесс губернского суда, имеющий специфическую задачу—расправу с классовым врагом, и другой, имеющий задачу организации рабочего класса и промежуточных элементов и поддержания в них общественно-трудовой дисциплины.

Нельзя согласиться с тов. Прушицким, с его теорией понимания роли защитника—это от имени государства проklamирование права защиты лгать. Этого права мы не дадим. Защитник не сидит на скамье подсудимых, а обвиняемый, если будет лгать, пойдет за то в тюрьму. Во всяком случае мы не ставим себе задачей сознательную легализацию лжи со стороны органов, призванных помочь раскрыть преступление и вести борьбу с общественно-опасными явлениями. Это право лжи мы не хотим допускать. Суд должен иметь право отказаться от защитника аналогично с прокурором.

Указания тов. Солина о засилии со стороны прокуроров неправильны. В народном суде роль прокурора определяется 5%: в губернском суде—20%, в кассационной коллегии Верховного суда—100%. Тов. Солин имеет дело только с Верховным Судом, объективно сталкивается только лишь с ним.

Нужно усилить надзорную работу прокурора, так как прокурор может сигнализировать, что там-то происходят такие-то безобразия, там засудили человека ни за что, ни про что, а там выпустили на свободу мошенника. Прокурора в губернском суде нельзя отождествить с нянькой над судом. Если в губернском суде будут разбираться наиболее общественно-опасные преступления, то прокурорский надзор должен там участвовать, чтобы знать, каким образом эта борьба происходит и как она ведется. Это—не нянька.

Тов. Крыленко возражает против тезисов тов. Стучки о передаче следствия в ведение суда. Хотя тезисы тов. Стучки не договаривают допущения защиты в стадии следствия, но это логически вытекает из его концепции.

Объективно тов. Стучка предлагает то же самое, что и мы, только мы называем прокурором это специальное лицо, а он не называет.

Тов. Стучка предлагает предоставить право кассационной инстанции вызывать к себе обвиняемого при рассмотрении дела. Незачем, так как обвиняемый будет говорить об отдельной детали, и будет говорить один, то почему же ему верить, почему же не вызывать свидетелей?

Беда у нас в другой области—в органах дознания, которые сплошь и рядом безграмотны. Судебной милиции у нас нет, следственных участков у нас мало,—гораздо меньше, чем народных судов. Органы дознания у нас привлекают за все, за что угодно. За то, что прошел по улице и начал петь.

Правильно разграничить статьи УПК на основные и технические. Мы, правда, в технику включили очень много существенного именно потому, что практика еще не установилась. Здесь нужна большая быстрота, большая гибкость в смысле лучшего направления опыта. Ничего ужасного от этого не произойдет.

Этот проект УПК есть только первый робкий шаг к тому действительному, правильному, идеальному построению, когда мы действительно получим процесс, который отвечал бы основным задачам нашего суда.

И. С.

Вопросы НОТ'а.

Стандартизация документов, функционирующих в местных органах юстиции.

Значение стандартизации в деле хозяйственного строительства в достаточной степени освещено в общей печати.

Задачей настоящей статьи является освещение частного вопроса о возможности стандартизации документов, функционирующих в органах суда, следствия и прокуратуры.

Само понятие «стандартизация документа», может и должно быть расчленено на следующие элементы:

- а) стандартизация качества бумаги, т. е. выбор для документов сортов бумаги определенного качества (плотности, цвета, отделки);
- б) стандартизация формата документов, т. е. выбор определенных размеров для документов;
- в) стандартизация бланковой части документа, т. е. установление определенного порядка написания заголовочной части бланка, местоположения и размеров полей, написания адреса, линовки, номеров и дат и т. п.;
- г) стандартизация содержания документа, т. е. выработка определенных текстовых трафаретов, оформляющих производство судебного-следственных действий.

Качество бумаги, употребляемой для изготовления документа, определяется сроком действия последнего. Совершенно очевидно, что документ, срок действия которого определяется несколькими днями, может быть изготовлен на бумаге более низкого качества, чем документ, предназначенный к функционированию в течение нескольких месяцев или лет.

Например, повестка о явке в судебное заседание может быть сделана из бумаги менее высокого качества, чем протокол судебного заседания или же какой-либо договор, инструкция, находящаяся в постоянном употреблении, удостоверение личности, хранимое в неблагоприятных для бумаги условиях, и т. п. В соответствии с вышеуказанным, Организационно-Плановое Бюро НКЮ считает необходимым рекомендовать для употребления в местных органах юстиции три сорта бумаги.

Бумагу Центробумтреста № 7, вес стопы 38,8 кило—для документов, срок действия которых незначителен, от нескольких дней до месяца, (напр., повестки о явке к следователю, в судебное заседание, объявления о делах, назначаемых к слушанию, всевозможные служебные записки и т. п.).

Бумагу Центробумтреста № 5, вес стопы 51,8 кило—для документов долговечных, например, для удостоверений личности, договоров, инструкций, проектов.

Бумагу Центробумтреста № 6, вес стопы 42 кило—для всех документов, оформляющих основные действия органов суда, следствия и прокуратуры, а также для всевозможных исходящих писем. Цвет бланков документов—белый. Возможно, что исключение будут представлять документы, оформляющие судебно-следственные действия. Вопрос о расцветке последних еще не решен окончательно. Есть предложение изготавливать эти документы таким образом, чтобы документы, относящиеся к какому-либо одному типу судебного-следственных действий, имели бы одинаковый цвет. Например, документы, касающиеся оформления действий, связанных с мерой пресечения (постановление об избрании меры пресечения, об отмене или изменении ее) будут иметь один цвет; документы, касающиеся розыскных действий (поруче-

ния угрозыску, справка в адресном столе и т. п.), будут иметь другой цвет и т. п.

Произведенная таким образом расцветка бланков дает возможность легко отыскивать тот или другой документ в данном деле.

Проведение мероприятий по выбору сортов бумаги даст возможность установить точное соответствие между содержанием (значением и долгосрочностью) документа и качеством бумаги, на которой последний изготовлен. Благодаря этому будет гарантирована сохранность и опрятный вид документов значительной важности и частого и долгосрочного употребления; с другой стороны, неизбежно должна будет получиться экономия, зависящая от того, что документы недолгосрочные и расходящиеся часто в миллионном тираже (например, повестки) будут печататься на более дешевой бумаге. Установление однообразной расцветки бланков, оформляющих судебно-следственные действия, значительно облегчит изучение дел, в особенности, в Верховном Суде, куда поступают дела, из различных губерний и областей.

Переходя ко второму вопросу стандартизации документов, т. е. к вопросу об установлении форматов (размеров) документа, Организационно-Плановое Бюро считает необходимым придерживаться форматов «ДИН»¹⁾, претендующих в настоящее время на стандартное значение в общесоюзном масштабе. Из упомянутых выше диновских форматов для документов, функционирующих в местных органах юстиции, выбраны три.

1) 125 × 176 м.м., 2) 148 × 210 м.м., 3) 210 × 297 м.м.

Для открытых писем (открыток), исходящих из местных органов юстиции, выбран формат 105 × 148 м.м., утвержденный Народным Комиссариатом Почт и Телеграфов.

Открытки должны будут в целях экономии почтовых расходов употребляться во всех случаях, когда этому не препятствует размер текста письма и его характер.

Изготовление документов на бланках упомянутого формата положит конец тому хаотическому разнообразию форматов, неудобных ни для обозрения, ни для хранения в архиве, которое существует в настоящее время. (Документы на продолговатых полосках бумаги, на квадратных листках и т. п.).

Переходя к третьему элементу стандартизации документа, к стандартизации бланковой части, расчленим самое понятие «бланковой части» документа.

«Бланковая часть» документа, в свою очередь, может быть разбита на следующие составные элементы: а) заголовок; б) поля; в) адрес корреспондента; г) адрес отправителя; д) №№ и даты; е) регистрационные отметки.

Переходя к описанию бланков, следует указать на следующее: для полей оставлено место в 20 м.м., каковое расстояние является совершенно необходимым для удобства чтения при хранении бланка в подшитом виде.

Бланковая часть листа состоит из 4 клеток: двух верхних (заголовочная и регистрационная) и двух нижних (адресная и номерная).

Левая верхняя клетка предназначается для заголовочной части; заголовочная часть исполняется типографским способом, при чем только две из строк (наименование участка и района и адрес) в низовых органах юстиции заполняются от руки, либо штампом, как это показано на нижепомещенном чертеже; в губернских же органах юстиции вся заголовочная часть может быть исполнена типографским способом.

Распространенное до сих пор проставление каучуковым штампом всей заголовочной части ни в коем случае не может быть признано рациональным; с течением времени буквы штампа сбиваются и весьма часты случаи столь неясного наложения штампа, что не представляется возможным определить, от кого бумага исходит. К этому надо прибавить, что штампы зачастую накладываются неровно, чем уродуется бланк. Вследствие наложения штампа (верхний левый угол бланка) не может быть использована для написания письма боковая левая часть, расположенная под штампом.

Исходя из приведенных соображений, Оргплан остановился на том, чтобы по возможности большую часть заголовка исполнить наиболее совершенным типографским способом, оставив для заполнения штампом только две строки.

Расположенная рядом с заголовочной частью регистрационная клетка (правый верхний угол бланка) предназначена для замены входящих штампов, и содержит все сведения, этим штампом фиксируемые. Преимущества исполнения этой клетки типографским способом совершенно очевидны.

Сведения, заносимые в эту клетку, таковы:

«Дата вх.»—проставляется дата поступления бумаги до вертикальной черты число; после черты—месяц.

«Часть»—проставляется № части, в которую бумага направляется.

«Исполнит.»—проставляются инициалы предполагаемого исполнителя бумаги.

«Срок исп.»—проставляется назначенный срок исполнения бумаги.

«Исп.»—проставляется фактическая дата исполнения бумаги.

«Д. №»—проставляется № дела, к которому бумага приобщается.

Левая нижняя клетка (адресная клетка). В этой клетке после слова «кому», проставляется наименование адресата и его местожительство.

Правая нижняя клетка (номерная клетка) предназначена для проставления номеров и дат.

В тех случаях, когда бланки будут подлежать употреблению в органах юстиции, не располагающих пишущими машинками, на них будет наноситься линовка, при чем расстояние между строками предполагается выбрать также стандартным в 7½ м.м.—цвет линий—светло-голубой (обычный цвет линовки тетрадей).

Обращаясь к вопросу о стандартизации текста отдельных постановлений и иных документов, оформляющих дея-

Народный Комиссариат Юстиции Р.С.Ф.С.Р. Народный Следователь 2 уч. Малоярославецкого уезда Адрес: г. М. Ярославль.		Дата Вх. 16 11 Часть 12 Исп. НТ Срок исп. 20 11 Исп. 21 11 Д. № 12П84
Кому: Москва Кузнецкий Мост, 13 Административный отдел Н.К.Ю.		На Ваш № от 192 г. Наш № П. 4 от 14 11 1927 г.
По вопросу О приобретении пишущей машинки. Прошу не отказать в распоряжении о высылке		

¹⁾ Форматы «ДИН» выработаны в Германии. Основная особенность этих форматов—соотношение между длиной и шириной документа. Упомянутое соотношение равняется 1,41; при таком соотношении длины и ширины документов, последние являются удобными для заполнения. Помимо Германии форматы «ДИН» употребляются в Австрии, Венгрии, Швейцарии, Чехо-Словакии, Голландии, Бельгии и т. п.

тельность судебно-следственных органов, в первую очередь, считаю необходимым возразить на распространенное мнение о том, что употребление стандартных бланков стесняет творческую инициативу авторов постановлений, заключений и т. п. Приведенное мнение основывается на явном недоразумении. Конечно, если бы дело обстояло таким образом, что

введение стандартных бланков препятствовало бы работе составителя документов, никто бы не взял на себя смелость рекомендовать стандартизацию.

Но посмотрим, как обстоит действительно процесс составления какого бы то ни было постановления.

Здесь мы в первую очередь убедимся, что процессуальные нормы выдвигают довольно жесткие требования к оформлению того или другого судебного-следственного действия. Эти нормы требуют обязательного фиксирования в документе определенных сведений (заголовок документа, время составления, ссылка на соответствующие статьи УК, ГК, УПК, ГПК, определенных фамилий, адресов, заключительные формулировки и т. п.). Такое требование фиксировать определенные сведения во всех документах, оформляющих какое-либо судебное-следственное действие, естественно, приводит нас к такому убеждению: раз определенные сведения должны обязательно фиксироваться на всех документах одного и того же назначения (например, постановление об избрании меры пресечения), будет целесообразным установить раз и навсегда определенную планировку расположения на документе этих обязательных, фиксируемых сведений, оставив для проставления некоторых из этих сведений место в определенной части бланка, а другие напечатать.

Такая твердая планировка расположения на документе тех или других сведений значительно облегчит работу составителя документа, поскольку ему не придется тратить времени на воспоминание и на написание некоторых из обязательно фиксируемых сведений, ибо последние заранее напечатаны на бланке.

Это же обстоятельство механически гарантирует составителя документа от опасности забыть о напечатании на документе некоторых сведений.

С другой стороны, для ряда сведений, обязательно фиксируемых (например, фамилия, местожительство), на документе оставлены свободные строки в определенной части бланка. Здесь опять-таки в работе составителя документа появляется облегчение, которое зависит от возникающей с течением времени привычки наносить те или другие сведения в определенном месте; и в этом случае пробелы в определенных местах бланка для написания соответствующих сведений служат живым напоминанием и механически гарантируют составителя документа от опасности забыть и не записывать эти сведения.

Необходимо также отметить, что стандартизация документа дает чрезвычайное облегчение не только составителю, но и читателю документа. Читатель, получая спланированные определенным образом документы, не должен искать по-требные ему сведения, но моментально находит их, ибо сведения эти на десятках и сотнях документов одного и того же типа находятся в одном и том же месте бланка, определяемом упомянутой выше планировкой. С другой стороны, чтение бланка облегчается также и тем, что некоторая и часто значительная часть его исполнена типографским способом, а, следовательно, читается гораздо легче, чем написанная от руки.

Из приведенного становится совершенно ясным, что многие документы в некоторой своей части могут и должны быть трафаретизованы. Может ли эта трафаретизация сделать работу составителя документа механической и бездушной. Конечно, нет, ведь, трафаретизуются только те сведения, которые сами по себе, в силу общеобязательности законодательных норм, являются стандартными (общая часть документа). Для написания же его индивидуальной части (применительно к данному делу) на бланках должно быть оставлено вполне достаточное свободное место, несколько не стесняющее инициативу автора документа; в таких случаях, когда может возникнуть сомнение в том, что текст, заполняемый от руки, не сможет поместиться на обеих сторонах бланка, к последнему может быть прикреплен для написания продолжения чистый лист одинакового с бланком формата. Конечно, такая мера целесообразна только тогда, когда возникает сомнение в том, что протокол постановления не сможет быть написан на бланке данного формата.

Однако, в подавляющем большинстве случаев не может даже возникнуть такого сомнения, ибо текст чрезвычайно многих постановлений (о приходе к следствию, о производстве следствия и об ограничении предъявлением обвинения, допросом, и составлении обвинительного заключения) легко и свободно уписывается в 10—12—15 строках.

Стандартизация документов бесспорно принесет целый ряд выгод и удобств, перечисление которых заняло бы слишком много места.

Однако, на одном из них нельзя не остановиться.

Это—возможность во многих случаях отказаться от написания копий («отпусков»).

Упразднение «отпусков» по целому ряду исходящих документов есть в настоящее время, пожалуй, наиболее актуальная задача в области упрощения и удешевления делопроизводства. Каким же образом может быть достигнуто упразднение отпусков при пользовании стандартными бланками.

Возьмем конкретный пример. Орган дознания извещает народный суд в порядке ст. 104 УПК о задержании гражданина, подозреваемого в совершении преступления.

Народный суд, скажем, подтверждает задержание, с какой-либо целью направляет в милицию соответствующее отношение. Легко показать, что если бы это отношение было стандартным бланком, оставлять копию («отпуск») в приведенном случае не пришлось бы. Было бы вполне достаточно ограничиться резолюцией нарсудья на извещении милиции «подтвердить» и отметкой секретаря «Бланк по ф. №... послан (дата)».

Отказ от написания отпуска в приведенном случае вполне возможен, ибо:

а) форма подтверждения ареста (стандартный бланк) известна;

б) фамилия, имя, отчество задержанного и наименование задержавшего органа милиции, а также соответствующие даты также известны;

в) резолюция суда о подтверждении ареста и отметка секретаря от отправления бланка удостоверяют сущность решения и факт составления и отправления документа, оформляющего это решение.

Поэтому данные, изложенные в п.п. «а», «б» и «в», заменяют собой копию; в этом легко удостовериться, если принять во внимание, что на основании п.п. «а», «б» и «в» всегда можно было бы восстановить с предельной точностью текст отправленного документа.

Конечно, не всегда и при пользовании стандартными бланками возможно воздержаться от написания копий, но из приведенного примера легко убедиться в том, что стандартизация документов является крупным шагом вперед в области отказа от написания «отпусков». Необходимо рассеять могущие возникнуть сомнения о том, что стандартные бланки— вещь весьма дорогая. Дело в том, что бумага, потребная для написания документов, все равно расходуется вне зависимости от того, будут или не будут употребляться стандартные бланки. Поэтому цена стандартного бланка превышает цену чистого листа бумаги такого же формата только на стоимость печатания. Стоимость же печатания при миллионных тиражах составляет незначительнейшую часть общей стоимости бумаги. Последняя при оптовом заказе, разумеется, ниже, чем при розничном заказе на месте. Поэтому возможны случаи, когда бланки стандартные с печатным текстом, заказанные централизованным образом, будут стоить даже дешевле, чем чистая бумага при незначительных розничных (а такие только и могут быть на месте) заказах.

Из сказанного можно заключить, что стандартизация бланков соответствует также и интересам экономии.

Изготовление трафаретных бланков в миллионном тираже, высшими при современных условиях техническими способами (ротация) и отказ от кустарного изготовления бланков на местах (ротаторы, пишущие машинки, рукописи и т. п.) есть также крупный шаг в сторону удешевления стоимости бланков и уменьшения, таким образом, расходов на канцелярские принадлежности.

Суммируя все соображения, изложенные в настоящей статье, находим, что стандартные бланки дают:

1) единообразие форм; отсюда удобство чтения и хранения в архиве документов;

2) сокращение времени на заполнение и чтение бланка (благодаря заранее напечатанным текстовым трафаретам);

3) точное и единообразное оформление судебного-следственных действий;

4) возможность отказаться во многих случаях от изготовления отпусков; отсюда упрощение делопроизводства и экономия на бумаге;

5) экономия при централизованном снабжении.

Подробные инструкции и образцы форм стандартных бланков рассылаются в губернские центры.

Придавая чрезвычайно большое значение стандартизации документов, как источнику экономии значительных средств (условия оптового заказа) и орудия нормализации канцелярского труда и учитывая, что в стандартизации заинтересованы в равной степени как губернские, так и низовые органы юстиции, автор просит всех работников сообщить свои замечания по изложенным в статье соображениям в Оргплан.

А. Фрадкин.

Х р о н и к а.

Примерный устав сельскохозяйственного кредитного товарищества.

Новый примерный устав сельскохозяйственного кредитного товарищества утвержден НКФ, НКЮ, НКЗемом, Россельбанком 26 октября 1927 г. («Бюлл. НКФ» № 54).

Сельско-хозяйственное кредитное товарищество имеет основной целью содействовать укреплению и развитию хозяйства своих членом посредством обслуживания их производственных нужд денежным кредитом и облегчения сбережения и накопления свободных денежных средств. Кроме того, т-ву в тех же целях предоставляется вести торговые операции по сбыту продукции трудовых хозяйств, а также по снабжению их необходимыми средствами производства, орудиями, материалами, и т. п., устраивать связанные с этими операциями производственные (промышленные и сельскохозяйственные) предприятия и осуществлять другие, содействующие улучшению сельского хозяйства и сельских промыслов хозяйственные, агрокультурные и просветительные мероприятия.

Т-во ведет свою работу, содействуя распространению коллективных (совместных) форм ведения сельского хозяйства, улучшению и расширению земельных угодий (мелиорации), применению в сельском хозяйстве машин и улучшенных способов производства и распространению среди населения знаний по сельскому хозяйству и кооперации.

Членами т-ва могут быть: лица, занимающиеся сельским хозяйством или связанными с ним промыслами в районе т-ва и достигшие 16-летнего возраста; лица, занятые общественно-полезным трудом в районе т-ва; первичные кооперативные организации всех видов, управления коих находятся в районе т-ва; крестьянские общества взаимопомощи, занимающиеся производственной деятельностью. Члены т-ва не могут состоять одновременно членами другой кредитно-кооперативной организации или общества взаимного кредита.

Каждый член т-ва несет дополнительную ответственность по обязательствам т-ва. Ответственность эта определяется на следующих основаниях: а) члены т-ва, имеющие кредит, несут дополнительную ответственность в кратном отношении к предельной сумме открытого им кредита; б) члены т-ва, не имеющие открытого кредита, в . . . кратном отношении к сумме паевых взносов и обязательных возвратных взносов в специальные капиталы.

В счет суммы дополнительной ответственности не включаются платежи членом в покрытие убытков, оказавшихся по годовому отчету т-ва, а также ответственность членом по принятым ими на себя поручительствам.

Дополнительная ответственность члена, не имеющего обособленного хозяйства, распространяется как на его личное имущество, так и на его долю в общем имуществе двора или коллектива, поскольку последнее допускается Земельным Кодексом РСФСР.

При добровольном выходе или исключении члена, состоящего должником т-ва, т-во в праве произвести досрочное вы-

сечение по задолженности вышедшего члена.

Выбывшему или исключенному, а также наследникам умершего, по истечении трехмесячного срока со дня утверждения отчета за тот год, в котором член выбыл, возвращаются паевые и другие внесенные на условиях возврата, взносы. Ни на какое личное имущество т-ва выбывший член не имеет права. Выбывший член участвует, наравне с другими членами т-ва, в результатах (прибылях и убытках) того операционного года, в котором член выбыл. При расчете с выбывшим членом т-во производит зачет всей непогашенной задолженности бывшего члена.

Если до окончания имущественного расчета с наследниками умершего члена, состоявшего домохозяином, в состав членом т-ва вступит его преемник по домохозяйству, то паевые и прочие, подлежащие возврату взносы умершего, перечисляются на вновь поступившего, на которого переходят и обязанности по дополнительной ответственности умершего члена.

Выбывшие члены, а в случаях их смерти наследники их, привлекаются наравне с другими членами т-ва, в порядке, установленном к покрытию убытков т-ва за тот операционный год, в котором член выбыл, а также отвечают, в порядке дополнительной ответственности, по обязательствам т-ва, если последнее прекратит свою деятельность в течение года со дня выбытия члена.

Для выбывших членом т-ва, не погасивших при выбытии своей задолженности т-ву, срок окончания их ответственности по убыткам т-ва, а равно дополнительной ответственности по обязательствам т-ва, исчисляется на указанных началах, со дня полного погашения их задолженности т-ву.

Средства т-ва состояются из взносов членом, вкладов, займов начислений по операциям и других сумм и ценностей, поступающих в распоряжение т-ва.

Т-во принимает вклады как от своих членом, так и от посторонних лиц, организаций и учреждений. Вклады могут быть вносимы как на имя вкладчика, так и на имя другого лица, а также на предъявителя. Вклады могут быть принимаемы: с обязательством возврата их в определенный срок (срочные вклады); без определения срока возврата—до востребования, в том числе на текущий счет; с обязательством возврата по наступлении каких-либо особых условий или обязательств, указанных вкладчиком. Прием вкладов на текущий счет с выдачей чековых книжек допускается лишь с особого разрешения финансовых органов.

Вклад может быть принят т-вом с условием выдачи его после смерти вкладчика указанному им лицу, независимо от того, входит ли это лицо в круг законных наследников вкладчика. Означенное указание должно быть изложено вкладчиком в письменной форме при внесении вклада.

Суммы вкладов и имена вкладчиков сохраняются в строжайшей тайне. Сведения о вкладах и имена вкладчиков могут быть выдаваемы только по постановлению суда или следственных органов. Никакие другие государственные

органы, не исключая и налоговой инспекции, не вправе требовать означенных сведений. За разглашением указанных сведений члены органов управления т-ва, а равно лица, производящие ревизию или обследование товарищества, подвергнутся уголовной ответственности. На вклад может быть обращено взыскание и наложен арест не иначе, как по особому постановлению суда.

При введении претензий кредиторов т-ва и недостаточности имущества для удовлетворения всех заявленных претензий—требования вкладчиков о возврате вклада удовлетворяются в первую очередь после претензий рабочих и служащих по трудовым договорам, задолженности по социальному страхованию и требовавший вознаграждения за увечья и смерть.

Т-во выдает ссуды только своим членам в пределах открытого им кредита на их производственно-хозяйственные нужды. Поручению государственных, кооперативных и общественных организаций т-во может выдавать ссуды как членам, так и нечленам на комитетных началах на основании соглашений с этими организациями.

Кредит открывается: чл. т-ва, имеющим право распоряжаться имуществом двора (домохозяевам), членам т-ва, занимающимся самостоятельным трудовым промыслом, если при этом член т-ва имеет обособленное от других участников его двора имущество или представит поручительство своего двора (домохозяина) и первичным кооперативным организациям, входящим в состав членом т-ва.

Выдаваемые по открытому кредиту ссуды могут быть краткосрочные—на срок не более 12 месяцев и долгосрочные сроком свыше 12 месяцев. Долгосрочные ссуды могут быть выдаваемы лишь за счет имеющихся для этого специальных кредитов, либо за счет других долгосрочных средств т-ва.

Ссуды выдаются на точно указываемые назначения. Указанное ограничение не касается ссуд, выдаваемых под залог продуктов и изделий, поступающих в т-во для сбыта.

Ссуды могут выдаваться как под личное долговое обязательство заемщика без особого обеспечения, так и с обеспечением залогом или поручительством.

Сумма поручительства, выданных членом по ссудам т-ва, засчитывается в счет открытого данному члену кредита. Поручительство сверх суммы открытого кредита может быть допущено по особому постановлению правления совместно с советом.

Общее собрание устанавливает, допускается ли и в пределах какой суммы или вовсе не допускается поручительство посторонних лиц и организаций.

Заложное в обеспечение ссуды имущество передается т-ву или может быть оставлено у заемщика, по соглашению с ним, на хранение по сохранный расписке с наложением или без наложения знаков залогодержателя. При этом заемщику может быть предоставлено право пользования оставляемыми у него орудиями производства и сельско-хозяйственным инвентарем.

Выданная т-вом ссуда может быть обеспечена залогом имущества, на приобретение которого выдана ссуда. На означенное имущество, хотя бы оно и входило в перечень ст. 271 Гр. Прол. Код., может быть обращено взыскание в слу-

чае просрочки платежа по ссуде. Размер процентов по ссудам определяется общим собранием и может быть различен, в зависимости от сроков и назначения ссуд. Повышенные проценты по ссудам не распространяются на те ссуды, которые были выданы до этого повышения. Срок и условия понижения процентов устанавливаются общим собранием.

Проценты по краткосрочным ссудам, если не будет установлено иного порядка, взимаются вперед за весь срок ссуды; по долгосрочным же ссудам проценты не могут быть взяты вперед больше чем за срок до очередного платежа заемщика. Заемщик в праве досрочно погасить полученную ссуду, при чем ему возвращаются уплаченные им проценты за оставшийся срок ссуды по расчету за полные месяцы. Товарищество вправе досрочно взыскать выданные им ссуды: если ссуда израсходована заемщиком не по назначению; если т-во признает ведение дел заемщиком бесхозяйственным или угрожающим его платежеспособности; если заемщик ликвидирует свое хозяйство в районе т-ва; при добровольном выходе или исключении члена.

В случае просрочки платежа в погашение капитального долга, а равно платежа процентов по ссудам, с неисправных заемщиков взимается пеня, размер которой пред'является общим собранием.

Правление т-ва в праве предоставлять по уважительным причинам отсрочки платежей по выданным ссудам на срок до 6-ти месяцев; отсрочки свыше этого срока, а также повторные отсрочки могут быть предоставлены по постановлению правления совместно с советом.

По просроченным ссудам т-во производит взыскание по судебным приказам в беспорядном порядке, согласно ст. 210 Гражд. Проц. Кодекса.

Т-во может учитывать краткосрочные (до 6 месяцев) векселя, представляемые членами товарищества за их передаточной надписью и другие их обязательства. Учет производится в счет открытого членам кредита.

Т-во может принимать поручения, как от своих членов, так и от посторонних лиц и организаций по платежу, поручению, в том числе взысканию, и переводу денежных сумм.

Т-во может покупать, продавать, хранить и принимать на управление бумаги по поручениям своих членов и других лиц.

За исполнение указанных поручений т-во взимает вознаграждение по правилам, утвержденным общим собранием.

Т-во может вести операции по снабжению своих членов живым и мертвым инвентарем, семенами, удобрениями, племенными животными, посадочными, строительными, топливными и другими материалами и прочими предметами производственного назначения. Т-во может вести операции по сбыту продуктов хозяйства и труда своих членов. Операции по сбыту и снабжению т-во производит как за свой счет, так и по поручениям (комиссионным и иным) и за счет своих членов или государственных кооперативных и общественных организаций.

Для обслуживания хозяйственных нужд своих членов т-во может устраивать предприятия: подсобно-производственного значения (прюкатные, зерноочистительные, сортировочные, случные и контрольные пункты, ремонтные мастерские и т. п.); для изготовления инвентаря,

орудий производства, строительных материалов (кирпичные, лесопильные, черепичные и т. п. заводы и мастерские) и других предметов; по переработке продуктов сельского хозяйства и с. х. сырья, мельниц, крупорушек, маслоделных, маслобойных и крахмало-паточных заводов, сыроварни, овоцесушильных заводов по первичной обработке льна, пеньки и др.; сельскохозяйственные (питомники, рассадники и проч.); и другие тому подобные предприятия.

Органами управления т-ва являются: общее собрание, совет и правление. Органом контроля — ревизионная комиссия. В состав совета, правления и ревизионной комиссии не могут быть избраны лица, лишенные права избирать в советы, а также не могут входить одновременно лица, состоящие между собой в браке или в родстве до второй степени включительно.

Кредиторы т-ва удовлетворяются в общем порядке, установленном действующими законами. При удовлетворении претензий кредиторов т-во обязано оставлять неприкосновенным имущество (наличное и долговое) на сумму, равную внесенным вкладам и полученным от кредитных учреждений ссудам для выдачи ссуд сельским хозяйствам. В случае, если соблюдение указанного условия сделает невозможным удовлетворение претензий, кредиторам предоставляется право возбудить дело о ликвидации т-ва по несостоятельности.

При стечении претензий кредиторов к т-ву и недостаточности его имущества для удовлетворения всех заявленных претензий, устанавливается следующая очередность, при чем каждая последующая группа претензий удовлетворяется лишь после полного удовлетворения предыдущей группы: претензии рабочих и служащих по трудовым договорам, задолженность по социальному страхованию и требованиям о вознаграждении за увечье и смерть; требования о возврате вкладов; задолженность по ссудам, полученным от кредитных учреждений для выдачи ссуд сельским хозяйствам, кустарям и ремесленникам (кроме ссуд в основной и специальный капитал); претензии, не поименованные выше, при чем внутри этой группы соблюдается очередность удовлетворения, установленная общими законами: задолженность по ссудам в основной и специальный капитал; требование о возврате паев.

Претензии, указанные выше, удовлетворяются преимущественно перед претензиями по взысканию налоговых недоимок, а равно перед обеспеченными залогом претензиями кредитных учреждений.

Регистрация рыболовных и лесных кооперативных организаций.

НКЗем и ВСНХ РСФСР предложили местным органам ВСНХ (ц. № 400/73—СА/183 — 12 от 1/XII 1927 г. «С.-Х. Ж.» № 50).

Ведущим промысловой кооперацией, прекратить регистрацию уставов рыболовных кооперативных организаций с тем, чтобы такая производилась впредь земельными органами в порядке, предусмотренном для регистрации уставов сельскохозяйственных кооперативных организаций.

Те рыболовные кооперативные союзы, уставы коих подлежат утверждению в разрешительном порядке, должны представлять их на утверждение в СНК и исполкомы через земельные органы.

Все дела о регистрации уставов рыболовных кооперативных организаций подлежат передаче в месячный срок из местных органов ВСНХ в соответствующие земельные органы, с уведомлением ВСНХ о чине переданных дел.

Утверждение и регистрация уставов артелей инвалидов.

Уставы артелей инвалидов утверждаются и регистрируются органами НКСО (инструкция НКСО РСФСР № 40 от 11/VIII 1927 г.—«В. С. О.» № 18 1927 г.).

Заявления об утверждении артелей, подписанные всеми учредителями, направляются в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР по докладу НК РКН СССР и РСФСР о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления от 23 июля 1927 г.³⁾ в соответствующий уездный или городской орган соц. обеспечения, а в районах — в комиссию по назначению СО при районном исполнительном комитете.

При вхождении в число членов артели лиц, не состоявших ранее на государственном обеспечении, вопрос о праве их на обеспечение в виде вступления в артель передается в общеустановленном порядке на рассмотрение соответствующей комиссии по назначению СО или соответствующему органу соц. страхования.

При рассмотрении вопроса об утверждении и регистрации артели необходимо учитывать: наличие всех требуемых «положением о кооперативных объединениях инвалидов» от 5 июля 1926 г. и изданными в развитие его инструкциями и указаниями условий, хозяйственную целесообразность организации артели, соответствие состава ее членов установленным «положением о государственном обеспечении» от 11 октября 1926 г. и положениями о соц. страховании требованиями.

Уездный и городской орган СО или комиссия по назначению СО при районном исполнительном комитете в месячный срок со времени поступления заявления со всеми необходимыми документами обязаны рассмотреть вопрос об утверждении устава, артели и либо утвердить артель, либо предложить внести в устав необходимые изменения, либо отказать в утверждении.

В случае неутверждения устава артели учредители последней извещаются в письменной форме с указанием мотивов отказа.

Одновременно с извещением учредителей об утверждении и регистрации устава артели соответствующий орган СО или районный исполнительный комитет в недельный срок направляет публикацию об этом в официальный орган НКСО.

С момента утверждения и регистрации устава артели приобретают права юридического лица.

Утверждение и регистрация уставов союзов кооперативных артелей инвалидов губ., обл., окр. и краевых, а также уездных, где таковые имеются, возложено на Народный Комиссариат Социального Обеспечения (инстр. НКСО № 52 от 24/X—27 г.—«В. С. О.» № 22/23).

Библиография.

Синдикаты и внутрисиндикатские отношения. Сборник статей по синдикатскому праву под редакцией В. Н. Мапцева, А. В. Озерского и М. Г. Фрадкина. Гостехиздат, Москва, 1927 г., стр. 104, цена 1 р. 75 к.

За последние годы удельный вес синдикатов в нашем хозяйстве неуклонно растет. Количественный рост синдикатов сопровождается и внутренним их укреплением: синдицирование неуклонно идет к охвату почти всех 100% продукции каждой отрасли промышленности. Важнейшая роль синдикатов в системе нашего планового хозяйства не нуждается в особых доказательствах—эта роль «органа оперативного планирования» (по удачному выражению одного из авторов сборника—З. И. Шкундина) общеизвестна. По вопросу о синдикатах у нас уже имеется экономическая литература. Однако, проблема синдицирования в наших условиях складывается в столь своеобразные правовые формы, что они, несомненно, заслуживают специального юридического исследования. До сих пор мы имели в этом направлении лишь небольшие журнальные статьи, несколько статей в сборниках и небогатые материалом протоколы I совещания юрисконсультов госпромышленности.

За последнее время вопрос о синдикатах стал опять привлекать усиленное внимание советских юристов. В частности, он служил предметом докладов и длительных прений на втором совещании юрисконсультов госпромышленности. В настоящее время вся правовая сторона синдицирования концентрируется в проблеме юридической природы внутрисиндикатских отношений. И эти вопросы не только представляют особый интерес с теоретической стороны, но и полны актуального значения для практики синдикатского строительства. Систематическая их разработка является крайне своевременной и появление изданного по почину совета синдикатов сборника нужно приветствовать.

То, что совет синдикатов «сознательно допустил в трактовке некоторых тем дискуссионный элемент», нужно также одобрить: очевидно, что при недостаточной разработанности проблемы в нашей литературе, это было единственно правильное решение вопроса о характере сборника.

Все авторы сборника исходят из общих положений о том, что наше законодательство несколько отстало от роста советской синдикатской системы, что внутрисиндикатские отношения являются настолько своеобразными, что не укладываются в рамки Гражданского Кодекса, и что связанные с синдицированием правовые вопросы должны быть в той или иной форме разрешены законодательством. В сборник вошли статьи: Д. И. Иванецкого—Публично-правовая сущность и частно-правовые элементы организации советских синдикатов; проф. В. Н. Шретера—Внутрисиндикатские отношения; М. Г. Фрадкина—Внутрисиндикатские отношения и наше законодательство; Н. Г. Шкляра—Внутрисиндикатские отношения в связи с ростом корпоративных начал в синдицированной промышленности; М. П. Брауде—Инструкционный характер внутрисиндикатских договоров и необходимые законодательные коррективы; В. И. Киселевского—Элементы корпоративных отношений в практике внутрисиндикатского оборота; З. И. Шкундина—Социально-экономическая сущность внутрисиндикатских отношений; А. А. Шнейрова—О внутрисиндикатских обязательствах; О. О. Фишелевича—Внутрисиндикатские отношения и пределы применения гражданского права; проф. Б. С. Мартынова—Внутрисиндикатские отношения и судебный арбитраж; Б. Я. Лядского—Элементы корпоративности в акционерных обществах синдикатского типа и С. Л. Драбкина—Синдикаты и внутрисиндикатские отношения в Германии.

Наиболее удачной в сборнике нужно признать статью В. Н. Шретера, сказан, в точной и ясной форме излагающую сущность вопроса. Автор исходит из положения о том, что «у нас нет норм закона, которые бы адекватно и вполне рационально соответствовали той организационной линии, которая твердо задана и на практике нашими синдикатами и советом синдикатов осуществляется» (стр. 10). Показав неприменимость к внутрисиндикатским отношениям норм ГК о комиссии и купле-продаже, автор приходит к выводу о необходимости отразить в законе познание внутрисиндикатских обязательств из корпоративных актов—постановлений собрания уполномоченных. Автор совершенно прав, утверждая, что центр тяжести в законе о синдикатах должен лежать в нормах о внутрисиндикатских отношениях. При отсутствии таких норм самый закон делается излишним, ибо

все остальные вопросы могут быть с успехом разрешены в уставе каждого из синдикатов.

В статье проф. Шретера имеются и некоторые спорные пункты; и наиболее спорный из них—принципиальное противопоставление Гражданского Кодекса плановому обороту и регулируемому его законодательству (сравни стр. 12 и 15). Такое противопоставление представляется нам теоретически неправильным, во-первых, потому, что ГК частично регулирует и плановый оборот, во-вторых, потому, что планирование у нас охватывает все хозяйство, и в-третьих, потому, что отличительная черта планирования при НЭПе в том и заключается, что оно проводится в формах рыночных отношений, обмена.

Нельзя не отметить, что это противопоставление индивидуалистического ГК плановому хозяйству проводится в более ясно выраженной форме в ряде других статей сборника. В частности, оно имеется и во вводной статье Д. И. Иванецкого, который исходит из деления права на публичное и частное и стремится разграничить в советских синдикатах их публично-правовую сущность и частно-правовые элементы. Если стоять на исходной точке зрения автора, то все его дальнейшие выводы нужно будет признать обоснованными. Нам, однако, именно это исходное положение автора представляется неправильным; противопоставление публичного права частному сыграло свою историческую роль в капиталистическом хозяйстве: несмотря на то, что границу здесь никогда не могли провести точно, это противопоставление имело смысл именно потому, что противопоставлялись два принципиально несовместимые и противоположные сферы права. В советской действительности, при несомненном отпадении «принципа невмешательства публичной власти в область частноправовых отношений», это деление, во всяком случае, лишено методологического смысла. И иллюстрация этому положению—довольно значительная часть нашей юридической литературы: целый ряд авторов, начиная с этого противопоставления, вынужден констатировать, не только невозможность проведения резкой границы между публичным и частным правом, но и такой «переплет» этих элементов, который делает невозможной какую-либо их классификацию. Вместе с тем, сохранение этого деления, с нашей точки зрения, лишь усложняет и замедляет исследование проблем советского права, приводя часто к совершенно ненужной юридизации экономической сущности нашей действительности—так, Д. И. Иванецкий полагает, что «создание социализма есть публичная миссия (?) советского государства» (стр. 5).

Некоторые авторы сборника, стремясь найти специфические признаки синдиката, часто упускают из виду отличительные черты советского права вообще. Подробнее мы скажем об этом ниже; пока отметим только, что и Д. И. Иванецкий видит отличительное свойство синдиката в том, что он «не суверенный носитель свободно избираемых им хозяйственных целей, но социально-целевое образование со специализированными функциями» (стр. 8). Если здесь не простая неточность формулировки, то надлежит вспомнить о том, что всякое юридическое лицо в советском праве обладает целевой правоспособностью.

Статья М. Г. Фрадкина представляет собой сравнительно удачное изложение проблемы применительно к действующему законодательству и проекту декрета о синдикатах. В статье несколько мешает порождающая неясности неточность языка автора, говорящего о договоре, как об «инструменте (?) взаимоотношений» синдиката с трестами (стр. 17), о «социально-целевых функциях» или о «социально-хозяйственном назначении» синдиката (стр. 17, 20 и 22), о нормах договора комиссии, обязывающего комиссионера действовать «в пределах договоренности и императивности (?)» (стр. 18).

Этот автор также исходит из неправильного, как нам кажется, противопоставления индивидуалистического Гражданского Кодекса, предполагающего автономную волю и свободу договоров, нашему плановому хозяйству. Даже задачу арбитражных комиссий автор видит в истолковании «воли спорящих госпредприятий (?) на основе их договорных условий и диспозитивных (почему только диспозитивных?—Б. Р.) норм закона» (стр. 33), и в примирении этих волей, при чем АК руководствуется «как законом, так и принципом хозяйственной целесообразности».

Далее идет статья Н. Г. Шкляра, начинающаяся с указания на то, что автор высказал ряд плодотворных мыслей о природе синдикатов уже в 1923 г. Статья заканчивается указанием автора на его глубокое удовлетворение по поводу того, что к мыслям, высказанным им «несколько лет тому назад, присоединяется мысль кооперативных юристов»

(стр. 39). Между этими двумя тезисами автор поместил сравнительное удачное изложение синдикатской практики. Напрасно только автор говорит о «переплете между жизнью и правом» (стр. 32). Кроме того, трудно согласиться с автором в том положении, что некоторые из договоров синдикатов с трестами являются по типу товарищескими договорами (стр. 35).

Мы уже указывали выше на то, что некоторые авторы сборника склонны рассматривать, как специфические особенности синдикатов, те их юридические признаки, которые характеризуют не только ряд других госпредприятий, но и, вообще, основные положения советского хозяйственного права. Эта тенденция особенно сильно сказалась в интересной статье М. П. Брауде. Обрисовывая основные черты всякого договорного обязательства, автор, по существу, дал картину, относящуюся не к советскому хозяйственному праву, а к классическому буржуазному гражданскому уложению—напр., кодексу Наполеона. И нужно сказать, что тому понятию договора, которое обрисовал автор, следует противопоставлять не только внутрисиндикатские отношения, но и все советское право, во всяком случае, в его важнейших чертах. В самом деле, автор указывает на такие признаки всякого договора (стр. 41): автономия воли; содержание договора определяется компромиссом свободно сталкивающихся эгоистических волей; всякому договору присущ «спекулятивный элемент, т. е. ориентация на возможную разницу в цене»; договор есть закон для сторон, его заключивших, и «все субъективные права, приобретаемые сторонами по договору, получают признание государственной власти, которая снабжает эти права судебной защитой, правом иска». Думается, что нет необходимости доказывать неприемлемость этих тезисов по отношению к советскому праву.

Частью неприемлемы, а частью очень спорны предложения автора о введении специальных норм закона о «личной ответственности физических деятелей внутрисиндикатского оборота» (стр. 49), о создании «особой процессуальной нормы, согласно которой каждая сторона имеет право предъявить иск, предметом которого является изменение тех или иных условий договора» (стр. 48). Нецелесообразно, как нам кажется, и предложение автора об организации специального синдикатского суда. Во-первых, ссылка на германский картельный суд едва ли что-либо доказывает, ибо, как известно, картельный суд в Германии учрежден, главным образом, для борьбы с злоупотреблениями «картельным могуществом»; это соображение у нас, очевидно, отпадает. Во-вторых, когда автор ссылается на необходимость разрешать внутрисиндикатские споры «исключительно по принципу хозяйственной целесообразности», то, очевидно, автор недостаточно учитывает соотношение закона и принципа целесообразности в советском праве. И, наконец, в-третьих, при условии разрешения вопроса о внутрисиндикатских отношениях в законе часть споров может быть разрешаема собранием уполномоченных синдиката, а остальная часть — арбитражными комиссиями, имеющими полную возможность учитывать своеобразие этих отношений. Поэтому требование автора, сводящееся к усложнению нашей судебной системы, трудно признать обоснованным.

Статьи В. И. Киснемского, З. И. Шкундина и А. А. Шнерева представляют собой удачное, и, в общем, достаточно рельефное освещение современного юридического и экономического положения советских синдикатов и особенностей внутрисиндикатских отношений.

Автор следующей статьи, О. И. Фишелевич, доказывая правильный тезис о том, что внутрисиндикатские обязательства возникают не из договора, а из устава и постановлений собрания уполномоченных, исходит из противоположения

товарищества и корпорации, а приходит к выводу о том, что синдикат является товариществом, организованным на корпоративных началах (стр. 73). Таким образом, в наших условиях это противоположение оказалось методологически бесплодным. Как нам кажется, в условиях советского хозяйства нельзя также говорить о «товарищеском договоре, выраженном в форме устава синдиката» (стр. 75). Вместе с тем, соображения автора о пределах применения к внутрисиндикатским отношениям норм ГК интересны (стр. 77).

Интересная сама по себе статья проф. В. С. Мартынова мало связана с остальным содержанием сборника; ее основной смысл—выяснение роли арбитражных комиссий в их соотношении с работой общегражданских судов. Однако, при наличии состоявшегося решения о сохранении системы арбитражных комиссий доказывание того бесспорного положения, что по действующему законодательству споры по внутрисиндикатским отношениям подсудны арбитражным комиссиям, а не общим судам (а доказательства этого положения составляют три четверти всей статьи), едва ли необходимо.

Статья Б. Я. Лядского знакомит читателя с сырьевыми акционерными обществами, приближающимися к синдикатам. Постановку вопроса о юридических особенностях этих наших предприятий, которые, не обладая внешностью синдиката, по типу к нему приближаются, нужно признать своевременной.

Статья С. Л. Дабкина представляет собой удачное, быть может, только слишком слабое освещение синдикатской проблемы в германской юридической литературе и практике. Правда, автора нельзя не упрекнуть в некоторой непоследовательности: утверждая, что мы должны использовать методы германской юриспруденции, «приспосабливая наши действующие законы к потребностям хозяйственного развития нашей страны, не обращаясь в каждом отдельном случае к законодателью» (стр. 104), автор в следующем же абзаце настаивает на необходимости издания положительного закона о синдикатах, дающего юридический тип синдиката, и даже полагает, что созданием такого закона будет внесен ценный вклад «в мировую правовую культуру».

Подводя итоги, нужно признать, что рецензируемый сборник представляет несомненный интерес. Основным дефектом сборника является то, что некоторые авторы, обращаясь к общим проблемам советского права, оказались под влиянием той тенденции, которая столь часто свойственна нашим юристам: проявляя, с одной стороны, склонность к излишнему «радикализму» в области права и усматривая иногда своеобразие даже там, где его нет, они, вместе с тем, находятся (часто совершенно невольно) в плену у таких понятий и конструкций буржуазного права, которые совершенно не вяжутся с реальной действительностью и с той ролью, которую играет советское право в нашем плановом хозяйстве. Именно поэтому необходимо, чтобы читатель проявил достаточно критическое отношение к положениям, высказываемым некоторыми авторами сборника в области общих проблем советского права.

Нельзя, однако, не признать, что указанные недостатки не умаляют значения этой, по существу, первой серьезной печатной работы по вопросу о правовой природе синдикатов и внутрисиндикатских отношений. Поскольку проблема эта во всем ее объеме ставится чуть не впервые, разногласия и некоторая дискуссионность материала, помещенного в сборнике, является одним из его достоинств.

Издан сборник удовлетворительно. Цена высока.

Б. Рубинштейн.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Содержание: Циркуляры НКЮ №№ 7, 11, 13, 18, 20.

Циркуляр НКЮ № 7.
НКЗ др. № 13/МВ.

Всем край, обл. и губздравотделам.

Копия—наркомздравам автономных республик.

Всем край, обл. и губпрокурорам и губсудам.

Копия—главсудам и прокурорам авт. республик.

Об улучшении постановки судебно-медицинской экспертизы в сельских местностях.

В целях улучшения постановки судебно-медицинской экспертизы в сельских местностях, как в смысле обеспечения своевременности экспертизы и производства ее на местах, так и в отношении снабжения судебно-медицинских работников транспортом, на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1927 г. о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления и постановления СНК от 23/VIII—27 г. Народный Комиссариат Здравоохранения и Народный Комиссариат Юстиции предлагают следующее:

Край, обл. и губздравотделам:

1. Принять срочные и действительные меры по замещению вакансий суд.-мед. экспертов, с извещением главного суд.-мед. эксперта НКЗ.
2. Предоставить уездным и окружным суд.-мед. экспертам технического помощника из лекомов, санитаров или обученных служителей для помощи при осмотрах и вскрытиях мертвых тел и при выездах к месту происшествия.
3. Принять меры к оборудованию, ремонту, приведению в порядок и отоплению покойничков при уездных, окружных и участковых больницах, снабдив их секционным столом, инструментарием для вскрытий, консервирующими и дезинфицирующими средствами, банками и пр. необходимым инвентарем.
4. Снабдить экспертов необходимой для поездок и работы спецодеждой.
5. В целях повышения квалификации экспертов и химиков, принять меры к постепенному проведению всех суд.-мед. экспертов и химиков через курсы усовершенствования и рабочие места.
6. Край, обл. и губ. суд.-мед. экспертам производить обследование постановки экспертизы на местах путем выездов в округа и уезды и устройства совещаний с привлечением органов юстиции и дознания.
7. Воспрещается возложение на суд.-мед. экспертов функций, не входящих в круг их обязанностей, как-то: по осмотру и лечению арестованных и заключенных и пр.

Край, обл. и губпрокурорам и судам:

8. Оказывать суд.-мед. экспертам всемерное содействие в получении ими для служебных командировок транспортных средств к месту происшествия и обратно.
9. Органам дознания и следствия собирать в срочном порядке необходимые суд.-мед. экспертам и суд. химикам для экспертизы предварительные сведения (о здоровье потерпевшего, о причинах, предшествовавших смерти, истории болезни и пр.), путем опроса окружающих медперсонала и пр. лиц.
10. Следователям или лицам, производящим дознание на правах следователей, обязательно присутствовать при каждом осмотре и вскрытии мертвого тела, производимого врачом.
11. Пользоваться в суд.-мед. случаях лишь суд.-мед. экспертами, привлекая других врачей (участковых, лечебных и пр.), как ближайших к месту происшествия, в исключительных случаях. Однако, во избежание излишней перегруженности экспертов и отвлечения их по маловажным вопросам, прибегать к их вызову только в случаях действительно необходимой помощи. Так, практикуемые еще в некоторых местах вызовы экспертов органами дознания для осмотра лиц, задержанных в нетрезвом виде, прекратить за личной ответственностью лица, вызвавшего эксперта. Точно также прекратить практикующиеся вызовы эксперта для осмотра отобранных у знахарей или других лиц лекарственных средств, направив последние в лаборатории здравотделов.
12. Время и место освидетельствования живых лиц (по-

терпевших, подозреваемых в психической болезни и пр.) согласовать с экспертом.

13. При каждом вызове эксперта точно объяснить причину и цель такового, прекратив имевшие место вызовы экспертов «для личных объяснений».

14. Принять меры по распространению судебно-медицинских знаний среди работников юстиции путем устройства лекций, бесед и демонстраций и снабжения работников пособиями по судебной медицине.

15. Судам своевременно оплачивать экспертов за участие на судебных заседаниях. Нештатным экспертам оплачивать труд по экспертизе на основании циркуляра НКЗ и НКЮ от 4/XII—25 г. за № 233 и таксы, опубликованной в «Бюллетене НКЗ» № 6 1927 г.

16. В целях улучшения, контроля и руководства экспертизой НКЗ и НКЮ предлагают местным органам:

а) неуклонное выполнение цирк. НКЗ и НКЮ за № 233 от 4/XII—25 г. «О контроле и учете временной и случайной экспертизы», и цирк. НКЗ, НКЮ и НКВД за № 227 от 5/XII—23 г. «О порядке направления вещественных доказательств»;

б) край, обл. и губ. суд.-мед. экспертам ведать всеми видами суд.-мед. экспертизы (соматической, психиатрической, лабораторной и пр.);

в) принять меры к ускорению лабораторной экспертизы, установив определенный срок, в зависимости от сложности исследований и количества объектов;

г) в случае мотивированного несогласия следователя или суда с произведенной экспертизой, последнему запросить мнение край, обл. и губ. суд.-мед. эксперта с предложением о назначении вторичной экспертизы;

д) вторичную экспертизу производить двумя врачами по назначению органов здравоохранения. Копию акта вторичной экспертизы направлять одновременно гл. суд.-мед. эксперту НКЗ.

В случае своего несогласия со вторичной экспертизой гл. суд.-мед. эксперт направляет соответствующему прокурору свое заключение по делу или свое мнение о необходимости новой экспертизы, дополнительных исследований и пр., каковое мнение для органов юстиции является обязательным.

В случае несогласия органов юстиции со вторичной экспертизой запросить заключение гл. суд.-мед. эксперта НКЗ, направив материал в Наркомздрав. Непосредственное направление дел на заключение Ученого Медицинского Совета не допускается.

е) экспертизу по делам о привлечении врачей по врачебным ошибкам производить край, обл. и губ. суд.-мед. экспертам в комиссии с участием врачей-специалистов по данному вопросу. Копию акта направлять гл. суд.-мед. эксперту НКЗ.

Народный Комиссар Здравоохранения Семашко.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Пом.

Прокурора Республики Крыленко.

6/11 января 1928 г.

Циркуляр НКЮ № 11.
ЦК союза советск. служащих № 263/2.

Всем краевым, губернским, областным, окружным и народным судам и прокурорам.

Копия: наркомюстам и главсудам автономных республик и отделам союза советск. служащих в РСФСР.

Об улучшении работы аппарата органов юстиции.

Уважаемые товарищи.

Органы прокуратуры и судебные учреждения в своей повседневной работе по борьбе с преступлениями, по укреплению и внедрению революционной законности и разрешению частично-правовых отношений, тесно сопрягаясь с широкими массами трудящихся, должны поставить себе задачей выработку таких методов и порядка работ, которые наилучшим образом обеспечивали бы обслуживание этих масс. Надо добиться наибольшей четкости в работе, быстроты прохождения и разрешения поступающих на рассмотрение дел и заявлений и совершенное изжитие бюрократизма и волокиты.

Успешное достижение этих целей возможно лишь при том условии, если в дело упрощения и рационализации аппарата будут вовлечены широкие массы служащих самого судебного-следственного аппарата и будет надлежаще развернута союзная экономработа.

Придавая важное значение союзной экономработе, НКЮ и ЦК союза советоргслужащих предлагают своим местным органам объединить свои усилия для достижения отмеченных выше задач.

Для осуществления этого необходимо:

1) Правлениям союза и местным комитетам усилить практическое руководство работой экономкомиссий и экономсоветов в органах юстиции, обеспечив устойчивый состав экономкомиссий и регулярность созыва их, а также улучшение качества работы экономкомиссий и особенно экономсоветов.

2) Основным содержанием работы экономкомиссии и экономсоветов должно явиться следующее:

а) изыскание мероприятий по устранению и изжитию бюрократизма и ускорению прохождения дел;

б) упорядочение постановки дела по приему жалоб и заявлений от граждан, организация правильного обслуживания посетителей, в частности, справками (живой и мертвой);

в) упорядочение вызова экспертов и свидетелей, производя назначения явки их в учреждения с таким расчетом, чтобы не приходилось долго ожидать разбора дела и на почве этого непроизводительно тратить рабочее время;

г) сокращение инстанций прохождения бумаг;

д) изыскание мероприятий по упрощению работы судисполнителей по улучшению их отчетности и хранения денежных сумм;

е) улучшение порядка хранения, возврата и ликвидации вещественных доказательств;

ж) упрощение формы бланков, применяемых в делопроизводстве органов прокуратуры и сокращение числа их;

з) изыскание мер по сокращению переработки секретарей судебных заседаний;

и) изыскание мероприятий по сокращению непроизводительных расходов.

3. Руководители органов юстиции должны создать условия, благоприятствующие развитию и укреплению союзной экономработы, принимать участие в работе экономкомиссий и экономсоветов, предоставлять последним необходимые материалы и справки.

Особое внимание должно быть обращено на своевременное выполнение всех деловых и обоснованных предложений экономкомиссий и экономсоветов, установив учет этих предложений, а также результатов проведения их в жизнь по формам, согласованным с местными союзными органами.

Руководители учреждений должны периодически информировать местные и экономсоветы о проведенных в жизнь предложениях и достигнутых результатах, а равно и о том, по каким причинам те или иные предложения не могли быть осуществлены.

В тех случаях, когда предложения экономсоветов и экономкомиссий выходят за пределы полномочий местных органов НКЮ, а также в случае разногласия в вопросе о целесообразности предложений, необходимо ставить об этом в известность НКЮ.

4. В целях создания большей заинтересованности работников в работе своего учреждения, следует широко практиковать систему продвижения технически из числа сотрудников общественно-подготовленных на вышестоящие должности. Все деловые предложения в этой области должны встретить полную поддержку со стороны руководителей учреждений.

5. Необходимо также наметить ряд мероприятий к повышению квалификации сотрудников путем организации временных курсов, эпизодических лекций и докладов по отдельным вопросам работы судебного-следственного аппарата, создания производственных кружков, применения в работе аппарата стенографии, пополнения ведомственных и союзных библиотек специальной литературой. Не следует при этом останавливаться перед необходимостью некоторых материальных затрат для этой цели, изыскивая средства на эти цели за счет экономии по кредитам на административно-хозяйственные расходы. Имя в виду, что никаких специальных ассигнований на эти нужды по бюджету текущего года не будет отпущено, средства должны быть изысканы на месте.

Намеченные в настоящем письме предложения в деле улучшения работы судебного-следственного аппарата не являются исчерпывающими. Руководители местных органов НКЮ и союза должны совместно наметить как порядок и способы

проведения в жизнь указанных предложений, так и вытекающие из чисто местных условий работы другие мероприятия в этой области.

Народный Комиссар Юстиции РСФСР **Курский.**
Секретарь ЦК Союза Советоргслужащих **Трофимов.**
Член Президиума ЦК Зав. ОТЭ **Егоров.**

12/21 января 1928 г.

Циркуляр № 13.

Всем губернским, областным и краевым судам.

Губернским, областным и краевым финансовым отделам.

О производстве ревизий с целью принятия мер по взысканию недоборов по нотариальному сбору и местной к нему надбавки за 1925, 1926 и 1927 г.г.

При ревизиях нотариальных контор, произведенных инструкторами-ревизорами п/отдела Гос. Нотариата НКФ, обнаружены значительные недоборы платы за нотариальные действия и надбавки к этой плате в местные средства.

1. Народный Комиссариат Юстиции предлагает произвести до 1 мая 1928 г. ревизии всех нотариальных контор в отношении проверки правильности исчисления и взимания нотариального сбора и надбавки к нему в местные средства по всем нотариальным действиям за 1925, 1926 и 1927 г.г. и принять меры к взысканию недоборов.

2. Первая нотариальная контора губернского города или окружного центра составляет проект плана ревизии, указывая в плане объекты ревизии, ревизоров и время ревизии каждой нотариальной конторы и народного судьи. Президиум губернского суда или председатель окружного суда утверждает план до 1 февраля 1928 г.

3. Ревизию производят, главным образом, нотариусы или зам. нотариуса первой конторы губернского или окружного города. Президиум губсуда может поручить производство ревизий и наиболее опытным нотариусам или заместителям нотариуса уездных контор. Нотариусу может быть поручено производство ревизии по заведомой им нот. конторе за время работы предшественника.

4. Губернскую нотариальную контору ревизует нотариус другой губернской нотариальной конторы или нотариус уездной конторы.

5. Обревизовывается в каждой нотариальной конторе делопроизводство за 1925, 1926 и 1927 г.г. Ревизия производится путем обозрения истребованных дел и реестров. Ревизия на месте производится лишь в случае необходимости для нотариуса выезда на общие по плану ревизии нотариальных контор. Ревизия распространяется на делопроизводство по нотариальным действиям по возможности всех народных судов. Во всяком случае, обязательно ревизуются народные судьи, производящие нотариальные действия в том же объеме, как и нотариальные конторы.

6. Обревизованию подлежат все первые экземпляры нотариально удостоверенных сделок, подлинные нотариальные акты, реестры, регистрационные карточки, копии оставленных в делах конторы засвидетельствованных сделок, наряды со сделками на неопределенные суммы.

7. Обнаруженные при ревизиях недоборы заносятся в особые ведомости по прилагаемой форме.

8. Если со времени совершения нотариальных действий, подлежащих в момент совершения оплате нотариальными сборами или надбавкой в местные средства, прошло более трех лет, то сборы не заносятся в ведомости и не взыскиваются.

9. Подлежащие взысканию суммы нотариального сбора или надбавки в местные средства определяются на основании ставок таксы оплаты нотариальных действий и правил положения о местных финансах, действовавших в момент совершения нотариальных действий.

10. Ведомость недозвзысканных сборов (ст. 6) составляется в 4 экземплярах. Один экземпляр ревизующий оставляет у себя, а 3 сдает в ревизуемую нотариальную контору.

11. Обревизованная нотариальная контора немедленно посылает один экземпляр ведомости в п/отдел Гос. Нотариата НКЮ и один экземпляр в губсуд, без заполнения граф 11, 12 и 13.

12. Исполнение по ведомости о ревизии производит нотариальная контора, подвергшаяся ревизии.

13. Нотариальная контора, подвергшаяся ревизии, посылает лицам, с которых следует взыскать нотариальные сборы и местную надбавку, извещения с назначением для внесения недостающих сборов 2 недель со дня объявления.

14. Если от участников сделки в течение 2 недель со дня объявления сборы не поступят, нотариальная контора посылает выписку из ведомости в финансовый отдел по месту нахождения лиц, с которых следует взыскать недоборы, для взыскания сборов и надбавки в бесспорном порядке.

15. Подача жалобы на действия нотариуса не останавливает взыскания, но нотариальная контора может приостановить взыскание, сообщив об этом в финотдел.

16. Ревизия проводится также и на договоры с неопределенной суммой для выяснения, приняты ли меры к выяснению суммы договора и взысканию нотариального сбора и надбавки в местные средства, согласно правил учета договоров, подлежащих дополнительной оплате нотариальными сборами (цирк. НКЮ и НКФ № 169 от 15 сентября 1927 г.). При этом ревизоры указывают меры, которые необходимо принять во исполнение этих правил.

17. Финотдел, получив сообщение нотариальной конторы (ст. 14), приводит в исполнение в месячный со дня получения сообщения срок, взыскивая нотариальный сбор и надбавку в местные средства с указанных в ведомости лиц в бесспорном порядке.

Взысканные суммы вносятся в кассу НКФ: нотариальный сбор на текущий счет нотариальной конторы, расположенной в месте нахождения кассы НКФ, а надбавка в местные средства—в доход местных средств.

18. Нарушения правил Устава о гербовом сборе, совершенные до 1 октября 1927 г. по нотариально удостоверенным и совершенным или засвидетельствованным в нотариальном порядке сделкам, как слагаемые, согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 2 ноября 1927 г. («Изв. № 259 от 7/XI—27 г.»), не подлежат занесению в ведомость.

19. О нарушении правил гербового сбора, допущенного после 1 октября 1927 г., нотариальная контора сообщает в местный финотдел в порядке ст. 54 Устава о гербовом сборе.

20. Для переписки по взысканию недоборов заводится особый наряд «В13». «Переписка по взысканию недоборов нотариального сбора и местной надбавки». Вся переписка регистрируется шифром: «В13».

21. Обревизование всех нотариальных контор и принятые мер к поводу ревизии должны быть закончены к 1 мая 1928 г.

Приложение № 1 к
циркуляру № 13.

ВЕДОМОСТЬ

о данных ревизии Гос. Нот. Конторы губернии

№№ по порядку	Дата совершения нотариальных действий и № по реестру	Наименование документа	Сумма документа	Уплаченные сборы		Сборы, подлежащие довызысканию		Основания для взыскания	Наименование лиц, с которых следует довызыскать сборы, и обозначение местожительства	Отметки об исполнении			Примечание
				Нотариальные сборы	Местная надбавка	Нотариальные сборы	Местная надбавка			Время сообщения сторонам	Время сообщения финотделу	Время поступления сборов	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14

22. Доклад о ревизии и принятых мерах заслушивается в президиуме губсуда (пленуме окрсуда) и представляется в НКЮ.

Народный Комиссар Юстиции РСФСР Курский.

Член Коллегии НКЮ Осипович.

Народный Комиссар Финансов РСФСР Милютин.

Начальник Налогового Управления Королев.

13 января 1928 г.

Приложение № 2 к циркуляру № 13.

О порядке ведения ведомостей о данных ревизии нотариальных контор.

1. Графы 1—10 заносятся при самом производстве ревизии.

2. В графе 5—6 указываются сборы, которые были исчислены при совершении нотариальных действий.

3. В графах 7 и 8 указывается недобор нотариального и местного сборов, которые следует взыскать со сторон.

4. В графе 9 указывается, на основании каких данных и на основании каких соображений ревизор признает наличие недобора. Основания должны быть изложены кратко.

5. В графе 10 приводится наименование и местожительство лиц, с которых следует взыскать недоборные суммы.

6. В Наркомюст и губсуд ведомость посылается без заполнения граф 11, 12 и 13. Эти последние графы заполняются по мере исполнения.

7. Графа 14 может заполняться как во время производства ревизии, так и в последующее время.

Член Коллегии НКЮ Осипович.

Заведующий п/отделом Гос. Нотариата Ярославский.

14 января 1928 г.

Циркуляр № 18.

Всем губернским, областным и краевым судам.

Об освобождении акц. общества «Сельхозснабжение» от нотариальных сборов по сделкам по покупке и продаже предметов оборудования и снабжения сельского хозяйства.

Совет Народных Комиссаров РСФСР в заседании 30 декабря 1927 г. (пр. № 75), постановил освободить акц. об-во «Сельхозснабжение» от нотариальных сборов за нотариальное удостоверение всех сделок его по покупке и продаже предметов оборудования и снабжения сельского хозяйства.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем нотариальным конторам принять указанное постановление СНК РСФСР к исполнению.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

Член Коллегии НКЮ Осипович.

19 января 1928 г.

Циркуляр № 20.

Краевым, областным, губернским прокурорам.

Копия: прокурорам АССР.

Об исчислении делопроизводственного года.

В связи с постановлением СНК РСФСР от 25 октября 1927 года «о начале делопроизводственного года» («Известия ЦИК и ВЦИК» от 25 октября 1927 года за № 269), предлагается следующий очередной отчет составить за период с 1 января по 1 октября 1928 года и представить в Прокуратуру к 1 ноября 1928 года, с тем, чтобы в дальнейшем сроки составления полугодовых отчетов соответствовали новому исчислению делопроизводственного года.

Соответственно этому и план работ предлагается переработать на период с 1 января по 1 октября 1928 г.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и

Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

19 января 1928 г.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Н. Янсон.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушинский.